АПОФѲЕГМАТА

ТО ЕСТЬ

КРАТКИХЪ

ВИТІЕВАТЫХЪ

И

НРАВОУЧИТЕЛЬНЫХЪ

РѢЧЕИ

КНИГИ ТРИ,

въ нихъ же положены различные вопросы и отвѣты, житія и поступки, пословицы и разговоры различныхъ древнихъ Философовъ.

переведены

съ польскаго на славенскій языкъ.

Противъ перваго изданія третьимъ тисненіемъ напечатано

въ Санктпетербургѣ

1745. года.

КРАТКИХЪ РѢЧЕИ И ОТВѢТОВЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

СОКРАТОВО УЧЕНІЕ.

Е благороднаго человѣка дѣло, еже въ очи кого хвалить, а за очи хулить.

Человѣка разумнаго знакъ, ежебы никого до бѣды не привесть.

Доброта безъ разума пуста.

Еже тебѣ есть отъ имѣнія, то такъ держи, чтобъ чужаго не захватывать.

Побѣда безъ бою, невелика слава.

Лакомой безъ прибыли, всегда въ убыткѣ.

Больше вѣрь очамъ своимъ, неже рѣчамъ чужимъ.

Мнози такови суть, иже свое истерявъ, чужое похищаютъ.

Сыну послушну приказъ отцовской нетяжекъ.

Жена добрая рада за мужа умереть, а ѕлая рада его скоряе уморить.

И того ради одному съ женою утѣха и радость, а другому плачь и велія мука.

Другу такъ добро дѣлаи, чтобъ тебѣ безъ убытка было.

Сократъ умирая, такое сотвори къ богу послѣднее свое прошеніе.

Создателю всѣхъ, духъ и премудросте, тебѣ душу мою предаю.

ПЛАТОНЪ мудрецъ Аѳинеискіи, ученикъ Сократовъ, иже перво званъ бысть Арістонъ, потомже отъ широты груди Платонъ [то есть широкіи] прозванъ бысть. Иніи же отъ пространныя рѣчи имяновали его, занеже всѣхъ человѣкъ Сократовымъ ученіемъ и смысломъ превзыде.

Сеи вопрошенъ, коимъ образомъ по себѣ память оставить. Отвѣща:

Подобаетъ прежде сподобитися добрыя славы, да будеши людьми почитаемь, тѣмъ память по тебѣ останется.

Трижды на всякъ день обыклъ бога благодарити, яко родился человѣкомъ, а не скотомъ, яко еллиномъ, а не отъ варварска народа, и яко въ лѣта Сократовы.

Распалаемымъ отъ гнѣва и пьянымъ совѣтова, дабы въ зерцалѣ смотрилися,

либо бы гнусность свою увидя, могли престати отъ нея.

Гнѣвливый человѣкъ ѕѣло безобразенъ, егоже описуетъ стїхотворецъ сице:

Уста напряжены отъ гнѣва чернѣютъ, очи полны крове и жилы синѣютъ.

Нѣкогда разгнѣвался на своего челядника невольнаго, и хотѣлъ его бить нещадно, тогдаже прилучившуся ученику его Ксенократу, рече Платонъ: иди даждь ему раны, я его наказать не хощу, разгнѣвахся бо.

Нѣцыи больши въ то время гнѣваются, егда наказуютъ своихъ; а Фїлософъ самъ себѣ не вѣрилъ, опасаяся, чтобъ отъ ярости въ наказанїи мѣру не потерялъ.

Егда паки слуга провинился, погрозилъ ему онъ, рекїи: естьли бы я не разгнѣвался, то побилъ бы тебя.

Хотящимъ отъ него увѣдати, что разности межъ ученымъ и не ученымъ.

Отвѣща: Такова разнь, какова межъ лекаремъ и больнымъ.

Антїстена, егда о чемъ рѣчь зачиналъ, всегда долгою рѣчью упражняющагося сице оговаривалъ: невѣси ли, яко мѣру твоей рѣчи тои полагаетъ, кто слушаетъ, а не тои, кто говоритъ.

Всякому творящему рѣчь, подобаетъ примѣнятися къ слушателемъ, кто не хочетъ на вѣтръ говорить. Понеже стоскнувся слышатель, не таково со вниманіемъ слушаетъ, хотябы кто и лучшіе вещи долго сказывалъ.

Просящимъ Кірінеаномъ, дабы законы имъ предалъ, не восхотѣ предати, повѣдая: не возможно про таковыхъ людей законы уставляти, которые о себѣ много разумѣютъ и высокомудрствуютъ.

Платонъ, занеже бѣ человѣкъ ѕѣло разума остраго, уставы написа нѣкіимъ народомъ, се есть: Сіракусіаномъ, Крітяномъ и инымъ, якоже Солонъ Аѳинянамъ, Лікургъ Спартяномъ, но Кірінеаномъ отречеся, видя ихъ быти высокія мысли.

Нѣкоему Філософу, иже его, аки смѣяся, вопросилъ: долголи учитися восхощетъ, отвѣща: донелѣже не будетъ жаль быть лучшимъ и ученымъ.

Простакъ въ стыдъ почитаетъ учитися въ заматерѣвшемъ вѣку, а Філософъ во весь свои вѣкъ въ добродѣтеляхъ и во ученіи прибавку имѣти тщится.

Сей Платонъ бѣ человѣкъ добродѣтеленъ ѕѣло, и плотская возжелѣнія имѣ въ себѣ умерщвленна, иже училъ

человѣку

человѣку не боятися смерти, сіе же и во обычаи вниде Філософовъ, смерти не боятися, вящшая бо есть премудрость размышляти о смерти, занеже сугуба есть смерть человѣческая, едина естественная или природная, а вторая отъ добродѣтелеи происходящая. Природная есть, егда душа отъ тѣла разлучается: вторая есть, егда человѣкъ премудростію своею вся тѣлесная вожделѣнія побѣждаетъ, и отъ себя прочь отрѣваетъ.

Вопрошенъ, въ чемъ знать возможно премудраго; рече: разумныи егда обесчещенъ бываетъ, не гнѣвается; егда хвалимъ бываетъ, не возноситися.

По чему люди познаваеми бываютъ;

Отвѣща: Людеи и сосуды склянычные единаче познаваемъ: скляничныи сосудъ по звуку, а людеи по рѣчамъ.

Чемъ бы всегда довольствоватися;

Отвѣща: Лишняго кромѣ нужнаго не желалъ бы, да не будетъ льстецъ чіи.

Кто отъ людеи крѣпчаишіи; рече:

Иже гнѣвъ свои одолѣваетъ, тои слабѣе, иже ничего не можетъ въ себѣ утаити.

Да и тотъ крѣпокъ, иже нищету свою умѣетъ покрыти. Сеи же воздер-

жалпельнѣишіи, иже довольствуется тѣмъ, что злыхъ людеи нравы сносити можетъ.

Коихъ бы странъ человѣку беречися;

Отвѣща: Не буди тамо, идѣже гордость владѣетъ, а ложъ въ юныхъ царствуетъ.

Хотящіи князю своему угодити, во всемъ воли его послѣдуи, а у благоразумнаго милость сыскати, то на непристоиное дѣло не соизволяи.

Свѣтъ тогда можетъ щастливъ нарещися, егда начальниковъ разумныхъ люди избирать будутъ.

Немогіи управити живота своего, иже ему есть единъ, како имать управити многихъ.

УЧЕНІЯ ЕГО СІЯ СУТЬ:

Всякія мудрости основа терпѣніе.

Злыя нравы портятъ добрыя дѣла.

Терпѣливъ быть не можешъ, дондеже воли своеи не одолѣешъ.

Повѣда, яко душа его о трехъ вещахъ скорбѣла, о богатомъ тщивомъ, въ нищету пришедшемъ, о разумномъ, разума лишенномъ, и о честномъ въ безчестіе приведенномъ.

Гордаго презирай, дондеже гордости лишится.

Честь

Месть всегда зла есть и вредительна.

Подобаетъ начальнику быти инакову отъ людей, аще бо однаковъ будетъ, ни во что его вмѣнятъ люди.

Аще не вдастъ отецъ сына учитися отъ юности добрыхъ нравовъ, таковъ не имать наслѣдити достоянія отца своего.

Великосердъ есть, иже нищетою тяготы не пріемлетъ.

Лучше по смерти непріятелю имѣніе свое оставить, неже въ животѣ у пріятеля чего просить.

АРІСТІППЪ мудрецъ Кірінейскій, ученикъ Сократа Філософа, вопрошенъ былъ Діонісіемъ мучителемъ, что Філософи имутъ лучшее паче прочихъ человѣкъ.

Отвѣща: Аще бы и всѣ законы изчезли, обаче бы люди такіе правдою жили.

Подвластный человѣкъ удержавается отъ порока, боясь острошы закона; а разумніи кромѣ закона, что есть безгодное, того бѣгаютъ.

Тойже вопрошенъ, почто Філософи часто держатся у людей вельможныхъ, а вельможные едва когда навѣщаютъ

ихъ; Отвѣща: Фїлософи вѣдаютъ чѣмъ они скудны, а вельможные не тако.

Говаривалъ часто, много лучше быти нищимъ, неже глупымъ: ибо тотъ скуденъ токмо деньгами, а сей лишается иногда и образа человѣчья.

Совершенно человѣку приличенъ разумъ, ученїе и рассмотренїе. Сїя кто имать, аще и вельми есть нищь, обаче человѣкомъ есть, не имый же сего, едва нарицатися можетъ.

Вопрошенъ, что ему корысти изъ Фїлософїи; отвѣща: Та мнѣ корысть, что всякому безопасно правду могу говорить.

Фїлософъ истинный не боится смерти, и могущественному правду говорить можетъ, ни опасается милости лишитися, говоря правду: есть бо человѣкъ свободенъ, не человѣкоугоденъ.

Услышавъ отъ нѣкоего въ томъ хуляща Фїлософы, что къ людемъ богатымъ учащаютъ, сице отвѣща: Лѣкари къ больнымъ часто ходятъ, однако ни единаго такова нѣтъ, который бы похотѣлъ быть боленъ, но всякъ Лѣкарь быть хочетъ.

Отъ нѣкоего хотящаго вдати ему сына въ наученїе, просилъ 500. драхмъ сребра, отецъ же удивился о много-

прошаемѣи

прошаемѣи цѣнѣ, и рече: азъ бы невольника дешевлѣ цѣною могъ купить; Арїстїппъ отвѣщалъ: сына, егда научится, будеши имѣти два.

Стряпчеи нѣкто ходилъ въ судъ за Арїстїппа оклеветаннаго, и оправдалъ его.

По семъ свое ученїе стряпческое паче Фїлософїи вмѣняя, рече ко Арїстїппу: кая ти прибыль отъ ученїя Сократова, аще бы азъ не былъ, то обвиненъ бы ты былъ; онъ же отвѣща: та ми есть прибыль, яко рѣчь, которую отъ меня ты говорилъ въ судѣ, бѣ права, и по сему мою невинность узнали, яко человѣка добраго.

Стряпчеи того не можетъ учинить, чтобъ правъ былъ въ неправдѣ, только можетъ представить, дабы и людемъ такъ казалось, а Фїлософїя то содѣваетъ въ человѣкѣ, что самымъ дѣломъ будетъ правъ и не виненъ.

Обличали его, что у друзеи часто деньги емлетъ, сице на то отвѣщалъ: азъ не сего ради у друзеи деньги беру, дабы на мою токмо нужду ихъ истерялъ, но того ради, да научатся отъ меня, на что деньги изживать надобно.

Нѣкогда купилъ себѣ куропать за пять ефїмковъ, нѣкто же ему то въ

лакомство вмѣнилъ, рече ему: ты не купилъ ли бы когда была по грошу; емуже рекшу, добрѣ бы радъ дешево купилъ, и Арістіппъ отвѣща: у меня въ такой цѣнѣ пять ефімковъ, въ какой у тебя грошъ.

Філософа обличали лакомствомъ, а онъ явилъ, что не лакомство въ немъ было, но презрѣніе денегъ, кто дороговли ради не покупаетъ того, что охотнобъ у себя видѣлъ, тотъ не для того то чинитъ, дабы былъ воздерженъ; но для того, что ему денегъ жаль.

Иногда вопрошенъ отъ нѣкоего, чимъ имѣлъ быть лучши сынъ его, когда бы его отдалъ въ наученіе; тако отвѣщалъ: естьли больши и ничего не будетъ, однакожъ не будетъ въ зрѣлищи сидѣть, аки камень на камени.

Много тотъ имѣетъ паче иныхъ, кто аще и мало вкусилъ ученія, за еже скоряе всякое дѣло поиметъ и на достоинство сгодится.

Вопрошенъ, чѣмъ разнится ученый отъ неученаго, сказалъ: пусти обоихъ купно все отъ нихъ отобравъ, нагихъ въ незнаемые люди, и тогда удобно разсудишъ.

Обличаемь былъ въ томъ, что въ своемъ дѣлѣ къ суду стряпчего употреблялъ

треблялъ нанявъ его, а самъ Философъ, даде отвѣтъ, нѣчему дивитца, и пиръ бо когда хочу имѣти, повара наимую.

Поліенъ мудречикъ вшелъ въ домъ Арістіпповъ, и узрѣвъ жены красно-учрежденныя, и пиръ иждивеніемъ уготованъ, начатъ обличати Арістіппа о роскоши, глаголя сіе: нѣсть Философу прилично. Арістіппъ смолчалъ ему перво, аки не слышавъ, потомъ мало помѣшкавъ, рече къ нему: мочноль тебѣ сего дни съ нами помедлить; онъ же не отрекся, рече ему Арістіппъ, почто же хулишъ нашъ пиръ тѣмъ дѣломъ; не то тебѣ негодно, что богато убрано, но что денегъ много изошло.

Походило нѣчто на лицемѣріе пиръ честныи похулить, а съ него не ити, таковыхъ Поліеновъ и нынѣ много.

Вопросилъ его Діонісіи Король Сіціліискіи, почто оставивъ Сократа Философа, пришелъ до Сіціліи; отвѣща: твоя ради вины, дабы еже имѣю, то инымъ удѣлилъ, а еже нѣсть у меня, то у иныхъ бы взялъ.

А иніи пишутъ, тако его отвѣщавша: Егда требовахъ премудрости, тогда медлилъ при Сократѣ, нынѣ же егда востребовахъ денегъ, къ тебѣ пріидохъ.

Случися,

Случися, яко рече ему Король Діонисіи, да скажетъ что отъ Философіи; на что Арістіппъ отвѣщалъ, и то чудо, что желаеши да повѣмъ отъ Философіи, а есть ли бы я учалъ говорить, то бы самъ меня наказалъ. О чемъ Король разгнѣвався, сѣдя у стола велѣлъ Арістіппу при самомъ заднемъ концѣ сѣсть. Онъ же ни мало о томъ поскорбѣ, точію реклъ: нынѣ Королю почтилъ еси то мѣсто, и честно сотворилъ оно.

Малоразсудныи ищутъ мѣста, а разумныи не смотритъ на то, понеже малоразсуднаго, хотя бы онъ и близко сидѣлъ, обносятъ, а разумнаго и въ углу видятъ.

Въ нѣкое время попросилъ у Діонисіа таланта сребра, Король же сыскавъ время уловити его, рече: сказалъ ты, что Философу ни въ чемъ скудно не бываетъ;

На сіе отвѣща Арістіппъ: даи только, потомъ будешъ претить о томъ. Егдаже ему даны были деньги, рече Арістіппъ: не правду ли я рекъ, что Философа не изыметъ скудость.

Единожды случилось ему плыти моремъ, и узрѣвъ, что корабль тотъ разбоиничеи, иже на мори людеи разбиваютъ, и уразумѣвъ, что о немъ шепчютъ

шепчютъ, взявъ онъ червонные золотые, и будто учалъ считать, упустилъ ихъ въ море съ мѣшечкомъ, будто не нарочно, и такъ своимъ языкомъ молвилъ: лучше пропади отъ меня злато, нежебы я пропалъ отъ злата, и тѣмъ ушелъ рукъ разбоиничьихъ.

Потомъ, какъ ему много надавали денегъ, пошелъ въ путь, егдаже слуга отъ жару и отъ тягости не моглъ несть, рече Арїстїппъ: что сможешъ то неси, а досталь на пути броси.

Повелѣ иногда Дїонїсїи привести предъ него три жены красны, давъ ему на волю, да юже восхощетъ изберетъ.

Онъ же принявъ всѣ три, отвелъ ихъ на переходы и отпустилъ ихъ, рекїи: ни Парїсу безбѣдно бѣ едину паче другихъ избрати.

О Парїсѣ Королевичѣ Троянскомъ пишутъ, яко три [по ихъ тогда ѕловѣрству] богини; Юнона, Мїнерва и Венера далися на разсужденїя его, кая изъ нихъ лучши. Обѣщающеи же первои ему царство, второи премудрость, третїеи красную жену. Онъ же Венеру похвалилъ лучше, которая обѣщанїе свое исполнила, исходатаиствовавъ ему Елену, отъ которои потомъ и троя раззорена бысть по гнѣву Юноны и Минервы:

и Минервы: о чемъ кто хощетъ, чти баснотворца.

Нѣкоему ѕлословящу его, молча иде прочь отъ него, оному же за нимъ въ слѣдъ гонящу, и глаголющу: что бѣжиши и почто; рече Арістіппъ, того для, что ты имѣеши силу ѕлая глаголати, азъ же имамъ мочь того не слушати.

Въ нѣкое время молилъ Діонісія за нѣкоего друга, видя же яко Король опинается, Арістіппъ нача его ноги лобызать, и тако улучи о немъ же бѣ просяи, то въ немъ нѣкимъ хулящимъ, яко не лѣть бяше то Філософу. Отвѣщалъ: не меня вините, но Діонісія Короля, иже имать уши у ногъ.

Случися ему караблешествующу въ Корінѳѣ, воста велія буря на мори, и мало не разбитися кораблю, въ томъ страху и Арістіппъ побледнѣлъ, то видѣвъ единъ отъ карабленникъ [морю утишившуся] рече: почто вы Філософы, аще и твердите смерти не боятися, обаче бѣдѣ случшеися, пужаетеся паче насъ, на сіе тако отвѣщалъ: сіе въ томъ есть, яко намъ есть не о единои души слово.

Я пужаюся о здравіи Арістіппа человѣка чести достоинаго, а ты не пужаешся о здравіи плута. Въ

ВЪ нѣкое время Арістіппъ иде мимо Діогена, той же бѣ устрояя салатъ, тогда Діогенъ рече Арістиппу, аще бы ты научился сію ядь вкушати, никогда бы мучителю работалъ, а за еже можешъ служити, буди невольникъ, а мнѣ лучши простыя яди употребляющу быти вольному, паче укусныхъ въ неволѣ.

АНТІСѲЕНЪ Філософъ ученикъ Сократовъ, единъ путь къ безсмертной славѣ являлъ, се есть житіе благочестное и праведное.

Вопрошенъ бывъ, что человѣкомъ можетъ приключитися всѣхъ щастливѣйшее, сказа: всѣхъ щастливѣйшее есть въ щастіи умереть.

Той же повѣда яко любовь братская крѣпчаиши есть, паче всѣхъ крѣпчаишихъ стѣнъ.

Онъ же вопрошенъ, что знаменуетъ паденіе коему государству; рече: Егда въ немъ разны ѕлобы, а добра нѣтъ.

Не можетъ тамъ щастливо общенародіе быть, гдѣ ни добрыхъ честятъ ни ѕлыхъ казнятъ.

Ибо яко почтеніемъ благихъ добродѣтель возрастаетъ, а злоба наказаніемъ исчезаетъ, тако противнымъ

обычаемъ отъ малопочитанія доброта слабѣетъ, а злоба силѣетъ.

Обыкъ глаголати, яко желѣзо ржа снѣдаетъ, тако завистливыи сами сохнутъ отъ своего яда.

Онъ же вопрошенъ, кое ученіе всѣхъ потребнѣишее; сказа: зла отлучитися.

И сіе глагола, яко человѣкъ разумныи не по закону и уставу людскому живетъ, но по правотѣ добродѣтели.

Вопрошаемь, чесо ради мало имяше учениковъ, отвѣща: занеже отгоняю ихъ серебряною лозою отъ себя, являя яко за малую мзду не хотяше учити кого. Возвѣщено бысть ему, что нѣцыи отъ злыхъ хвалятъ его, на то отвѣща: боюся, да некако неосмотрѣвся въ чемъ злѣ поступихъ по пословицѣ:

Отъ злыхъ хвалиму, есть, то хулиму быть.

Нѣкто отъ юношеи возлюбивъ Антісѳена обѣща ему вспомогательство учинить, кои часъ карабль съ торгомъ пріидетъ, Антісѳенъ же взялъ его съ собою на торгъ, и повелѣлъ насыпать коробъ муки, самъ отъиде прочь, торговкѣ же наченшеи просити денегъ, показа еи онаго юношу, глаголя: сеи тебѣ заплатитъ, егда карабль пріидетъ.

Являя

Являя напрасно кого обѣщаньми кормить, потому, что хлѣбъ и иное запасное на деньги купятъ.

Много и нынѣ такихъ, что много обѣщаютъ, а мало даютъ, хотя и вѣдаютъ, что на торгу за слова не продаютъ.

Случися ему купить харчу, и самому нести съ торгу, всѣмъ удивляющимся рече къ нимъ: что дивитеся, себѣ то несу, а не иному кому, про себя работать нѣтъ стыда.

Нѣкоему рекшу, многїе тя хвалятъ; Отвѣща: что ѕло сотворихъ.

Повѣда, яко люди добротнїи избираютъ себѣ предстателеи и заступниковъ сильныхъ и праведныхъ, а ѕлїи противно.

И сїе вѣщаше, яко добродѣтель есть оружїе не отъемлемо.

Онъ же обличаемыи: почто своя ученики жестоко наказуетъ, отвѣща: и Лѣкари подобнымъ образомъ съ больными поступаютъ. Докторы хотяще недугъ тѣлесныи отдалити, много претятъ больнымъ, много даютъ неукусныхъ лѣкарствъ, а во время сѣкутъ и пекутъ, подобно и разумъ лѣча надобно претерпѣть по писанному.

Тѣло лѣча, желѣзо и огнь претерпиши, въ успа отъ жажды воды не впустиши.

Да будеши здравъ сердцемъ, жестокая принимаи, повелѣваемое творить не отрѣваи.

АРІСТОТЕЛЬ у Платона слушалъ Філософіи 20. лѣтъ, и Філософъ бѣ честенъ, Алеѵандражъ Великаго учитель, тои вопрошаемыи: кая бы ему была прибыль изъ Філософіи; отвѣща: Азъ то творю охотою, что прочіи творятъ, опасаясь жестокаго закона.

Онъ же обличаемыи: яко даде милостыню ѕлому человѣку; рече: не ему дахъ, но его человѣчеству.

Вопрошенъ: каковымъ намъ подобаетъ быть къ друзьямъ своимъ; отвѣща:

Таковымъ, каковыхъ хочемъ имѣти ихъ къ себѣ.

Тотъ же вопрошенъ: что скоро старѣется; отвѣща: любовь, милость.

Часто пріятелемъ своимъ и друзьямъ говаривалъ, также и ученикамъ:

Якоже зракъ пріемлетъ свѣтъ, тако человѣкъ отъ ученія:

Ученыи бо скоро видитъ, что за чемъ идетъ, а человѣкъ безъ ученія аки слѣпъ, не увидитъ, что мѣшаетъ, не

посте-

постережетъ, что за чемъ идетъ.

Повѣда: яко ученія корень горекъ, но гроздъ и плодъ сладокъ.

Всякое ученіе принимать досадно, а научась на свою красоту употреблятіи и къ общему благу, вещь есть ѕѣло благопріятна.

Вопрошенъ: чимъ разнится умныи отъ глупаго; отвѣща: яко живыи отъ мертваго.

Въ бесѣдахъ глаголаше: ученіе въ щастіи человѣку красота, въ нещастіи прибѣжище. Имѣяи ученіе нещастію нападшу, имать къ чему прибѣгнути, якоже Діонісіи Король Сіракузскіи мучительства ради съ престола сверженъ и вонъ изгнанъ, и понеже бѣ разуменъ во ученіи, дѣтеи учаше въ Корінѳѣ, и тѣмъ питался, не учивыися же во время напасти не умѣетъ ни за что приняться, и для того нужду терпитъ.

Вопрошенъ иногда: лживіи человѣцы кое пріобрѣтеніе имѣютъ отъ всея лжи; на сіе отвѣщалъ: сія пріобрѣтаютъ, яко ащебы времянемъ и правду сказывали, то имъ не повѣрятъ.

Также вопрошенъ: что есть пріятель; отвѣща: есть едина душа въ дву тѣлесѣхъ.

Онъ же повѣда: яко нѣцыи суть тако скупи, аки бы имъ здѣ вѣчно жить, иніи же щедри, аки бы имъ утре умереть.

Хотящимъ отъ него вѣдати: что есть надежда; на то отвѣщалъ: ничтоже ино есть, токмо сонъ человѣка не спящаго.

Достигъ шти десять двѣ лѣтъ ѕѣло разболѣлся, яко малои надеждѣ быть да оздравѣетъ, снидошажеся къ нему ученики его, да наречетъ кому на мѣсто его взыти по немъ; отъ среди же слушателеи его быша два лучшіи, Өеофрастъ Лезвянинъ, и Менедемъ рожденіемъ острова Родіса: Арістотель обѣща сотворити о прошенныхъ время усмотрѣвъ. Помалѣ же времяни всѣмъ о томъ дѣлѣ къ нему сошедшимся, рече: да ему сыщутъ віна, которое привозятъ изъ Лезвы и Родіса, принесену же бывшу, вкусилъ Родіискаго, рече: крѣпко по истиннѣ віно и укусно, потомъ вскорѣ вкусилъ и Лезвіискаго, и рече: обое добро, однакожъ укуснѣе Лезвіиское. По симъ словесамъ всякъ уразумѣлъ, яко избралъ себѣ въ наслѣдника Өеофраста, а великое въ томъ содѣялъ разсужденіе, яко обоихъ похвалилъ, оставляя слушателемъ вольное избраніе, и свою волю объявилъ, кого намѣстникомъ имѣти восхотѣ.

притчи

ПРИТЧИ БЛАГОРАЗУМНЫЕ АРІСТОТЕЛЕВЫ.

Самъ себе ни хвали ни хули, аще бо имаши хвалитися, ничтоже будеши, аще хулитися, кощунна себе сотвориши. Слѣпъ можетъ ли кому путь показать, или нищъ кого обогатити, безчестенъ како можетъ почитанъ быти, гнѣву подобаетъ быти вмѣру, наглыи бо есть, кто волчья обычая, а мягкіи, кто дѣтскаго.

Не могіи добра творити, да блюдетъ себе отъ зла, яко злато огнемъ, тако человѣкъ дѣлы искушенъ бываетъ.

Знакъ человѣка добраго: умѣть безвремянье терпѣти, ѕла никомуже творити, творяи бо кому что неправедное, самъ на себе клятву налагаетъ.

Въ щастіи не возможно познать друга, а не въ щастіи въ тотъ часъ.

Чудися Арістотель двоему роду человѣческому, яко одни суще лукави, похваляеми же о томъ веселятся, друзіи же блази, хулими не гнѣваются.

Большu честь подобаетъ учителемъ юныхъ учащимъ, неже родителемъ.

Отъ родителеи бо рожденіе точію имутъ, а отъ учителеи добродѣтель и житіе доброе.

Слышавъ нѣкоего хвалящася, яко родомъ бѣ града великаго, на то рече:

не подобаетъ смотрѣти откуду кто родомъ, но какова мѣста и сана достоинъ.

Аѳінянъ часто порицаше, яко много поставили законовъ добрыхъ, однакожъ лукавства сверьхъ уставовъ употребляли.

ѮЕНОКРАТЪ ученикъ Платоновъ, [егда ему Алеѯандръ Македонскіи великое число денегъ послалъ] лишше трехъ гривенъ Греческихъ не взявъ, назадъ все отослалъ, рекъ: больше Царю надобно, у негоже и росходъ больши.

На пиру бывая молчалъ, инымъ много глаголющимъ, вопроси же его: чесо ради тако твориши, сице отвѣщалъ: яко въ нѣкое время каяхся о словесѣхъ моихъ, ихъ же глаголахъ; а егда молчахъ, то никогда еще не раскаялся. Вдаватись въ лишнюю рѣчь не безбѣдно, за еже человѣцы рѣчью къ страшнымъ дѣламъ приходятъ, ихже бы чужди были, аще бы молчать умѣли.

Ѯенократъ нѣкоему многорѣчиву глагола: слушаи много, говори мало, даде бо намъ природа два уха, а однѣ уста.

УЧЕНІЕ

УЧЕНІЕ ЕГО.

Въ началѣ чти бога, потомъ родителеи. Всякому твори правду. Аще злѣ судиши, богъ тебя осудитъ потомъ. Нищеты не презирай, чистоту соблюдай, а паче всего вѣрность. Мѣру праву имѣй, и ни ково въ неи не обиди. Не кленись вѣдавъ или хотѣвъ, таковъ бо человѣкъ богу мерзокъ естъ. Проклятъ, иже мзду наемничью удерживаетъ, или бѣднаго отягощаетъ.

ДІОГЕНЪ Кінікъ, ученикъ Антісѳеновъ. Сице нареченъ Кінікъ, за еже бѣ скверныхъ обычаевъ и его подражатели, обаче его скверное умышленіе, преодолѣ естественный стыдъ, бяху бо потомъ ему въ великои ненависти.

Узрѣвъ нѣкоего кропящаго водою чистительною, рече: о буи человѣче, егда противно что грамматикѣ речеши неправильно, и того водою очистити не можеши, а злая дѣла и грѣхи кропленіемъ ли избыти хощеши.

Оле зѣльнаго имовѣрства, яко страшный грѣхъ убіиства, рѣчною мните очистити водою.

Тоиже въ нѣкое время зажегъ лучь во дни хождаше по торгу, аки ища чего, вопрошенъ же, чего ищетъ; рече:

человѣка ищу, являя, яко не возможно человѣка и въ великомъ множествѣ сыскать.

Егда бесѣдова о великихъ дѣлахъ, а слушати его не восхотѣша, тогда онъ запѣлъ пѣснь шпынскую, абїе же множеству людеи стекшуся, хотящїи со тщанїемъ послушати его, рече: на бездѣлицу полками бѣжите, а вещеи нужныхъ къ щастливому житїю слушать не хощете.

Стряпчихъ, ихъ же въ великои чести Аѳїняне имѣли, называлъ слугами черни для того, что нудятся говорить по ихъ волѣ и лицемѣрить, еже невольникамъ точїю прилично.

Позванъ бывъ на пиръ, не восхотѣ. Вопрошенъ же о причинѣ, рече: и вчера быхъ на пиршествѣ, а благодаренїя мнѣ не учинили за то.

Обычныи человѣкъ въ велико себѣ почитаетъ, имѣти кого у себя на пиру, и хочетъ, дабы кланялись ему, но Дїогенъ противнымъ обычаемъ чаялъ, яко ему должни были кланятись, яко пированїю присѣдяше, и разумными повѣстьми своими много добра возмоглъ принести гостямъ.

Алеѯандръ Великїи хотя его видѣти иде къ нему, егоже засталъ сѣдящаго

щаго въ кади, тамо съ нимъ бесѣдовавъ много, рече ему: да проситъ его, о чемъ восхощетъ, Діогенъ рече: ни о чемъ молю, токмо не отъемли отъ мене того, чего мнѣ дати не можешъ, то есть не засланяи солнца.

Повѣдаютъ, яко Алеѯандръ глагола ему: вижу, яко много требуеши, того для готовъ есьмь ти азъ вспомогательство учинить, на сіе онъ рече: не вѣмъ кто отъ насъ больши требуетъ, азъ ли, иже лишше епанчи да сумы, имѣти не желаю, или ты, иже, не довольствуяся царствомъ отцовымъ, во многи и великіе бѣды вдаешися распространенія ради государства, и едва не кажется, что и всего свѣта тебѣ мало.

Нѣкто отъ бѣгуновъ хотящіи своею бѣглостію похвалитися, тѣмъ образомъ мудрствовалъ, что азъ есмь человѣкъ, убо Діогенъ нѣсть человѣкъ.

Противу того Діогенъ ему такъ заплатилъ: начни де отъ меня то извожденіе [аргументъ] и имаши имѣти произвожденіе доброе, по чему Діогенъ есть, потому нѣсть сеи круговои: Діогенъ есть человѣкъ, убо и круговои нѣсть человѣкъ. На рѣчь круговую и вопросъ лукавъ, не всегда подобаетъ отвѣщати, для подхватовъ

 товъ

товъ во время добро такъ быть, какъ глаголютъ.

Вопрошенъ: когда время лучшее ясти; таковъ далъ отвѣтъ: богатому тогда лучше ясти, егда похощетъ, а бѣдному когда можетъ.

Дровоносъ нѣкіи нося нѣчто долгое, и Діогена минуя, зашибъ мало его въ голову, и по обычаю молвилъ: берегись, Діогенъ же обозрѣвся рече ему: что не сызнова ли хочешъ ударити, подобало прежде времяни молвить, берегись, а не ударивъ. Такожде случилось ему, что въ другорядъ зашибъ его, молвилъ берегись, противу онъ палкою ударивъ ево въ лобъ, молвилъ, берегись.

Нѣкіи Мідіи ударивъ по ланитѣ Діогена, и даде ему тотчасъ по уставу ударное, на утріи Діогенъ встрѣтя Мідія уразилъ его въ щоку рѣзво, и тѣжъ деньги ему отдалъ, рекъ: се тебѣ вяска [ударное] готовыми деньгами.

Сна боящимся сице глагола: что на яву дѣлаете, о томъ не бережете, а что во снѣ видите, о томъ печалитеся. Нещастіе приходитъ не отъ сновъ, но отъ ѕлыхъ дѣлъ, того ради не сновъ надобно беречся, но дабы дѣла были добрые, и учтивые поступки, таковы бо и сны бываютъ.

Царю

Царю Філіппу съ воинствомъ своимъ стоящу подъ Херонїею, иде тамо и Дїогенъ, егоже воини плѣнивъ привели предъ Царя, иже узрѣвъ его и не зная кто есть, рече со гнѣвомъ: вижу тя быти подсмотрщика [шпїка] Дїогенъ рече: такъ есть, прїидохъ сѣмо присмотритися бѣшенству твоему, яко не удоволился царствомъ Македонскимъ и чуждаго желая, самъ себя въ бѣду доброволно вдаешъ, сего ради блюди, да и здравїя не лишишися. Тои дерзости его Царь удивлься, увѣдавъ же яко бѣ Філософъ, абїе повелѣ его свободно пустити.

Призываемыи къ Царю Алеѯандру не восхотѣ итти, претящимъ же смертїю, аще не поидетъ, сице отвѣща: чтоже бы великое въ томъ Царь объявилъ, заеже то обычно сотворити, можетъ и червякъ то учинить, человѣка лишити свѣта и здравїе отнять невеликое дѣло, червь одинъ и травка то учинить можетъ, то великое дѣло, что умершему животъ даровать.

Свободныи человѣкъ на высокїе чины ни на смерьть не смотритъ.

Единожды узрѣвъ человѣка, что стаканъ изъ казны укралъ, люди его на

на смерть ведутъ, рече: се большіе воры малаго ведутъ.

Подобноже слово припоминаютъ бывшее отъ Августа Короля Польскаго, иже видѣвъ нѣкоего въ Вільнѣ, гдѣ пушки льютъ, на смерть осужденнаго, яко частицу мѣди укралъ, повелѣ его свободна пустить, глаголя: перво большихъ воровъ вывѣшать надобно, потомъ малыхъ.

Егда нѣцыи Калістена Філософа называли щастливымъ человѣкомъ, за еже у Царя Алеѯандра бѣ въ великои чести и во обиліи. Діогенъ рече: тѣмже убо бѣднымъ есть человѣкомъ, понеже тогда долженъ обѣдать и ужинать, какъ Царю ѣсть захочется.

Идѣже нѣтъ воли, тутъ и щастіе невелико, и для того пословица: Дворянская служба, красная нужда.

Деньги, егда ихъ требоваше, у пріятелеи бралъ, иногда нѣкіимъ ругающимся, яко въ томъ не Філософски творяше, но нищетски, отвѣща: не беру отъ нихъ, но отбираю.

Емляи у друга, аки бы свое бралъ, добрыхъ бо друзеи все общее.

Узрѣвъ богата человѣка ни къ чему не годна въ свѣтлы ризы одѣянна, рече: се имамы овцу со златымъ руномъ.

Овца

Овца не всегда себе ради руно носитъ, потому что часто ее стригутъ, подобно и богатои не разсуденъ, не себѣ блюдетъ казну, но инымъ, кто что урветъ, то его, а ему и спаси богъ не скажутъ.

Гусельникъ, иже бѣ мужикъ что дубъ, и на гусляхъ игралъ бездѣльно всѣмъ нехвалящимъ, единъ токмо Дiогенъ похвалялъ, многимъ же чудящимся, чего ради то творитъ; рече: того ради хвалю его, яко сеи мужикъ дородныи похотѣлъ гуслями промышляти, а не разбоиничать.

Вопрошенъ бывъ: кое подобiе имать въ себѣ ядъ вредительнѣишiи; сице отвѣщалъ: естьли вопрошаеши о дикихъ, отъ нихъ есть обманщикъ, а естьли отъ домашнихъ, изъ нихъ есть лицемѣръ.

Дiогенъ обманщика или лицемѣра вмѣняше въ ядовитаго ѕвѣря, только въ томъ ихъ разнилъ, что обманщикъ ставитися въ бровь, а ласкатель ядъ свои ласково въ человѣка впущаетъ подобiемъ аспиднымъ. Рѣчь ласкову, которая съ сердцемъ не согласна, нарицалъ силомъ медовымъ.

Нѣкто естества испытникъ вопроси его: кая вина тому, что золото

блѣдо; на сіе отвѣща: того ради блѣдо, что многіе люди ево навѣтуютъ.

Кто въ такомъ страху и вѣдаетъ о чьеи бѣдѣ, тотъ часто блѣднѣетъ. То Діогенъ причелъ золоту, хуля лишнее лихоимство въ людяхъ.

Случися сему внити нѣкогда въ окоптѣлую и черную баню, рече: что здѣсь моются, гдѣ сызнова ходятъ мытись.

Вопрошающу нѣкоему, когда лучши женитися; отвѣща: молодому еще нечасъ, а старому никогда.

Являя, яко лучши не женитись, нежели на лихую жену угодить. Хотя онъ вопрошалъ о добромъ часѣ, се есть въ коихъ лѣтахъ, [Платонъ бо совѣтуетъ мущинѣ въ 30. мъ, 31. мъ, 33. мъ, 34. мъ, 35. мъ. А дѣвицѣ въ 16. въ 17. въ 18. въ 19, а и много въ 20. лѣтъ бракъ супружескіи принять] или въ коемъ мѣсяцѣ, Римляне бо, Апрѣль, Іюнь щастливо браку время почитали.

Видѣвъ юношу нѣкоего строящагося и красящагося, рече ему: естьли красишся идыи къ мущинамъ, непотребно, а естьли къ женамъ, велика въ томъ неправость.

Узрѣвъ юношу, иже зарумянился отъ стыда, и аки пужаться началъ, рече

рече ему: небойся юноше, такова бо румяность добродѣтели.

Человѣкъ глупъ, а паче недався научитися, чаетъ яко то ѕлый знакъ, егда или юноша, или честна жена отъ стыда зардится, но всѣмъ извѣстно, яко то есть имянной знакъ природныя добродѣтели.

Нѣкоему рекшу ему, нужно на семъ свѣтѣ жити, онъ отвѣща: не жить нужно, но ѕлѣ жить нуждѣ равняется.

Бысть ему въ рабѣхъ невольникъ имянемъ Мана, того бѣжавша отъ него совѣтовали друзья искати яко бѣглеца, на сія отвѣща имъ, и то смѣшно, естьли Мана можетъ быть безъ Діогена, коль паче Діогенъ безъ Маны обоитися можетъ.

На пиру сый ядяше калачь, вопросившимъ же его, что ястъ; отвѣща: ямъ хлѣбъ гораздо печенъ.

Люди обычные дивятся на пирахъ ядямъ, а Философъ и простой хлѣбъ и вкусы за одно почитаетъ.

Пріѣхавъ во градъ Минду, и узрѣвъ ворота ѕѣло велики, изрядно строены, самый же градецъ не великъ, рече къ жителямъ: господа Міндіана затворите врата, да вашъ градецъ ими не убѣжитъ.

Хорошо

Хорошо говорятъ: по пруду быть и плотинѣ.

Юношѣ красну идущу на пиръ бесѣдовати, сице рече: узриши яко безобразенъ оттуду возвратишися.

На бесѣдахъ молодые люди рѣдко исправляются, а скоряе соблажняются и портятся, занеже въ нихъ кровь буяетъ, тогда питїемъ и взиранїемъ на лица возбуждаютъ похоти своя.

Узрѣвъ отрока нѣкоего рожденнаго отъ подлтной госпожи, и се онъ каменїемъ въ люди бросаетъ, рече ему: слушаи отроча, блюди, да не уязвиши отца твоего каменемъ.

Хвалящимъ нѣкїимъ много даровавшаго Дїогену въ снабдѣнїе, рече Дїогенъ: почто и меня не хвалите, яко стался достоинъ прїяти то отъ него.

Многїе люди только тѣхъ хвалятъ, что даютъ, а кои берутъ, тѣхъ они ничтожатъ.

Но множае вящши пристоино брати кому, неже дати, дать бо можетъ всякъ человѣкъ мочныи, а взять по достоинству никтоже, точїю человѣкъ достоиныи, и оттуду пословка есть, даръ принялъ тои, иже достоиному далъ.

Хотящимъ вѣдати, что иматъ прибыли отъ Фїлософїи, отвѣща:

Аще

Аще больши ничтоже имѣлъ быхъ оттуду, кромѣ сего, яко на всякое щастіе готовъ есмь, то и тѣмъ довольствуюсь.

Нѣкто вопроси Діогена, откуду онъ бѣ; на сіе отвѣща: житель есмь свѣта.

Являя, яко сеи свѣтъ домъ есть всѣхъ людеи, и яко человѣку достоиному, аможе ни обращается, всяка страна есть отечество, яко о семъ пишутъ: рыбамъ море свободно, а птицамъ весь воздухъ. Премудрому отчина всея вселенныя округъ.

Нѣкто привелъ сына своего къ Діогену дати его въ наученіе, егоже предъ нимъ хваляше, яко отрокъ есть чуднаго разума и нравовъ, емуже Діогенъ рече: почтоже даеши мнѣ; когда толь много умѣетъ.

Въ Лакедемоніи узрѣвъ нѣкогда одѣвающагося красно съ великимъ прилѣжаніемъ въ праздникъ, рече ему: что се твориши; не всякъ ли день доброму человѣку праздникъ.

Алеѯандръ Царь при иныхъ рѣчахъ вопроси Діогена, боитсяли его; на то Діогенъ рече: чтоже еси, благъ ли или ѕолъ, Царю повѣдавшу, яко благъ есть, отвѣща Діогенъ: убо кто когда видѣ боятися благаго.

У нѣкоего человѣка роскошнаго попросилъ гривны; тому удивлшуся и рекшу: чего ради у меня толико много просиши, а у иныхъ по полу грошу обыклъ ты просити; Діогенъ отвѣща: у иныхъ по малу емлю для того, что впредь у него взяти чаю, а у тебя возму ли что впредь, того не знаю.

Часто бываетъ то, что которые живутъ шумно и дурно, къ великой скудости приходятъ, и тогда какъ и досталь дойдетъ, ради бы воздержно жили, но понеже позда на днѣ скупость, то усматривая Діогенъ восхотѣлъ у такова заранѣе взять, дондеже всего не изнуритъ, впредь уже его себѣ не бережа.

Видѣвъ нѣкоего ѕлѣ ѕѣло стрѣляющаго изъ лука, сѣлъ близъ мѣты, вопрошенъ же: почто толь близъ мѣты сѣлъ; реклъ: боюся дабы въ меня сей человѣкъ не попалъ, аще бы сѣлъ поодаль мѣты.

Вопрошенъ: для чего люди охотнѣе даютъ нищимъ, неже Философамъ; отвѣща:

Того для, что скоряе чаютъ быти слѣпыми или хромыми, неже Філософами.

Оклевета его нѣкто, яко дѣлаше иногда подтворные деньги, тому такъ отвѣ-

отвѣщалъ: скажу тебѣ, было такое время, что былъ я таковъ, какъ ты нынѣ, а каковъ я нынѣ, ты таковъ никогда не будешь. Съ прежними грѣхами тѣхъ, что житїе свое исправили, не подобаетъ въ укоризну вводить, дабы очи запорошить, ни смотрѣть того, кто кѣмъ не былъ, но каковъ нынѣ есть.

АНАѮIМЕНЪ вѣтїи не послѣднеи, егда простирая съ рѣчью, бесѣдоваше, Дїогенъ уразумѣвъ рѣчь, и показуя часть окарака, сманилъ всѣхъ слушателеи, яко вси оставлше Анаксїмена на него засмотрѣлись, а Дїогенъ реклъ: изрядное слово Анаксїменово, что за деньгу купилъ, то прекратило его, являя, что о бездѣлицѣ рѣчь свою велъ.

Укоряемыи, яко во время бывалъ на мѣстѣхъ скверныхъ и малочестныхъ, отповѣда: и солнце преходитъ скверныя мѣста, но не оскверняется.

Обычаи имѣлъ Дїогенъ безъ чиновъ тамъ ѣсть, гдѣ случилось, единожды сѣдшу ему вечеряти въ капищи, положили ему хлѣбъ дебелъ, глаголя: въ капищи ничего хорошего не вносятъ.

Вопрошенъ: что человѣку на свѣтѣ лучшее; повѣда: вольность всего лучши.

Вѣщаше, яко господа и невольники малымъ чимъ межъ себя разнятся, ибо невольники въ неволѣ у господъ, а господа въ неволѣ у прихотеи своихъ.

Тѣхъ, иже о добродѣтели сладкая глаголютъ, а житїе бездѣльно водятъ, повѣда быти подобныхъ гуслямъ, иже сладкогласїемъ своимъ иныхъ пользуютъ, а сами его не слышатъ. Добродѣтель не словами, но честными дѣлы состоитъ.

Вопрошенъ: како Дїонїсїи мучитель поступаетъ со други своими; отвѣща: поступаетъ съ ними аки съ кожаными мѣшками, полные вѣшаетъ, а порозжїе подъ лавку бросаетъ.

Являя, что Дїонїсїи мучитель именитыхъ мучилъ, а бѣдныхъ презиралъ.

Узрѣвъ отроча безчинно поступающо, абїе удари учителя его, глаголя: почто тако безчинїю учиши.

Услышавъ нѣкоего красного юношу скаредно глаголюща, рече: не стыдно ли тебѣ, что изъ многоцѣнныхъ слоновыя кости ноженъ, сабли оловянныя добываешъ.

Скверно, егда мужикъ простакъ скверными словами блюетъ, но много скверняе, егда красныи [знатныи] человѣкъ скверныя слова испускаетъ.

Въ

Въ нѣкіи день множеству людеи послѣ комедіи идущу со зрѣлища, онъ противъ ихъ угнѣтаясь иде, вопрошающимъ же его: для чего творитъ все опако; рече: нуждуся во все житіе мое творити противно грубяномъ.

Человѣку смышленному не подобаетъ уклонятись къ поступкамъ грубымъ, но далече обходить. Грубянинъ бо не по смышленію, но по намѣренію и прихотямъ своимъ поступаетъ.

Видѣвъ нѣкоего музыканта мужика строптива настраивающа свое орудіе мусікіиское, рече къ нему: не стыдъ ли тебѣ голосы на деревѣ строить умѣть, а житія своего по разуму и добродѣтели уставить не смыслить.

Нѣкто безъизвѣстнои дѣтина на воротѣхъ своего дому написалъ сія словеса: Никакое ѕло, ничтолибо вредно въ домъ сеи, никогда да не будетъ входно.

Сія прочетъ Діогенъ рече: а господинъ дому сего камо входитъ. Возвѣщая, яко то вящши вредитъ, егда въ комъ скаредные примѣты и изше благостыня.

Нѣкто отъ наемныхъ воевъ, вздѣвъ на себе львову кожу, оказался тѣмъ, рече ему Діогенъ, долголи доброту храбрости срамляти имаши.

Геркулесъ въ знаменіе храбрости хождаше во львовои кожѣ, а его одѣяніе носити Философъ чаяше быти вещь скверну. Много и нынѣ такихъ есть, что лошадеи, ружья, одѣянія воинскаго употребляютъ, а храбрость ихъ въ лѣсу за кустомъ.

Онъ же нашедъ миро благоуханное, ноги себѣ имъ помаза, ругающимъ же его о семъ людемъ, рече: аще помажу главу, благоуханіе на вѣтрѣ росходится, а отъ ногъ уханіе идетъ въ верьхъ.

Ученіе всѣмъ отъ сего хваляше, яко юнымъ людемъ приноситъ трезвость, старымъ утѣшеніе, нищимъ обогащеніе, богатымъ украшеніе.

Вопрошенъ нѣкіимъ, какъ бы моглъ лучши мстить непріятелю, отвѣщавъ онъ, таковъ путь показалъ: всего лучши отомстить, егда будешъ добрымъ человѣкомъ.

Непріятель всякъ всегда крѣпко смотритъ на того, кому недругъ, дабы моглъ во всякихъ припадкахъ людемъ оклеветать, къ тому и вины ищетъ имѣти приступъ къ тебѣ, аще же не обрящетъ чего, да тя обнеситъ, то самъ себе грызетъ, а видя человѣка добра, не дерзнетъ на тя напирать, вѣдая яко правая рука всегда права.

Нѣкто ругался ему, что онъ нищь, а самъ былъ плутъ, такъ отвѣща: нищеты ради дабы кто пытанъ былъ, того ни кто не видалъ, а за воровство не одного я видѣлъ на пыткѣ.

Узрѣвъ жену на носилкахъ носиму; рече: сія клѣтка не по тому звѣрю.

Являя, яко жена ѕлая, дивіи ѕвѣрь, естьли не держать ее крѣпко въ рукахъ, много ѕла учинить можетъ.

Тоиже о любви ѕлои бесѣдова, яко есть упражненіе людеи гуляющихъ.

больши тѣ склонны суть къ похоти, иже въ нѣгѣ живутъ и непрестанно гуляютъ, якоже Овідіи стіхотворецъ пишетъ:

Иже безъ промыслу, всегда гуляютъ.

Ничто добро дѣюще, о ѕлѣ промышляютъ.

Предивно похоть нѣжитца въ гуляніи.

Трудись, ежели не хощешъ быть въ любодѣяніи. И паки:

Кои часъ лишишся лишняго гулянья, абіе похоть отстанетъ своего стрѣлянья.

ЗИНОНУ Філософу производящу различными доводами, яко нѣсть ни единаго движенія на свѣтѣ. Діогенъ во-

ставъ нача ходити по училищи, вопросившу же Зенону, что творитъ, рече: твои доводы отрѣваю.

Егда увѣщеваше его нѣкто, дабы достигши старости отставилъ труды, рече ему, егда бы былъ съ кѣмъ въ теченіи бѣжанія, а былъ бы недалече конца, тамъ ослабѣлъ ли бы въ бѣгу, или крѣпитись достоило бы.

Нудившеи его скудости сице просяще милостыни: аще кому далъ милостыню когда, даждь и мнѣ, аще же никому еще, то начни отъ мене.

Вопрошенъ; что бѣднѣе на свѣтѣ: отвѣща: нѣтъ бѣдняя сего, егда человѣкъ старъ, а къ тому бѣденъ.

Велія подпора старости, егда кто имѣетъ каково ни есть имѣнеицо, а егда къ старости прилѣпитца бѣдность, нѣсть того горши.

Плѣнена его бывша изведоша продать, тамъ вопрошающу его, иже продаетъ: что умѣетъ; да вѣсть какъ бы его купцу похвалити, рече Діогенъ: скажи, что продаешъ такова человѣка, которои умѣетъ росказывать людемъ свободнымъ, абіе же узрѣвъ человѣка во многоцѣнныхъ ризахъ идуща, рече: тому мя продаи, вижу бо ласка требуетъ господина.

Купившу

Купившу его нѣкоему Ѯініаду, рече Діогенъ къ нему: се ты купилъ меня, зри же, да всякому моему повелѣнію будеши послушенъ, на сіе Ѯініадъ рече: будетъ то противно, Діогенъ сказа: егда бы былъ недуженъ, а купилъ бы лѣкаря, не былъ ли бы ему послушенъ ты.

Ученіе лѣкарское лѣчитъ болѣзни на тѣлѣ, Философія лѣчитъ вреды въ мыслѣ, и якоже лѣкаря здравія ради тѣлеснаго, тако Философа здравія ради душевнаго пристоино слушать, аще бы и гораздо былъ его господиномъ.

Сущу ему у Ѯініада совѣтоваша друзи выкупить его, онъ рече: не треба, не вѣстели ли, яко львы не служатъ тѣмъ, иже ихъ держатъ, но они львомъ.

Вопрощенъ: аще смерьть ѕла; отвѣща: како можетъ быть ѕла, занеже ее не видимъ.

Тоиже повѣда: яко инымъ людемъ, имже доброе поведеніе жить годно, умереть не хочется, а иже суть въ нещастіи, тѣмъ животъ не годенъ и смерти желаютъ, а мучителемъ обое то ѕѣло тяжко: ибо житіе есть имъ мерзостнѣе паче тѣхъ, иже хотятъ умрети, и смерти боятся паче

тѣхъ, что въ добромъ житіи живутъ.

Речено бысть ему, когда и кто по смерти тя погребетъ, яко ни единаго раба имѣеши, на то рече: въ чьемъ дому умру, естьли ему домъ понадобится, тои и погребетъ.

Въ нѣкое время Антисѳенъ учитель Діогеновъ всѣхъ учениковъ восхотѣ отъ себя прочь отогнать, кромѣ Діогена, егоже постоянства ради оставить не можаше, иногда и жезломъ претя да отъидетъ, емуже Діогенъ преклонивъ главу свою, рече: не имаши такова тверда жезла, да отлучитъ меня отъ тебя.

Въ нѣкое время корякомъ воду пивъ узрѣ дѣтище, и се воду руками пьетъ, покинувъ корякъ рече: не вѣдѣхъ, о како естествомъ содѣяся удобность къ напою.

Онъ бѣ ѕѣло терпѣливъ, егда въ нѣкое время глагола о гнѣвѣ, единъ плюнулъ ему въ лице, и вопроси его: гнѣваетса ли; отвѣща ему: не гнѣваюся, но презираю.

Инъ же лаяше его срамными словесы, емуже ничтоже отвѣща; рече же ему гаждаяи его: для чего на то не отвѣщаетъ; рече Діогенъ: не хощу о та-

о таковой вещи бранитца, понеже кому бы она ни досталась, тотъ будетъ посрамленъ.

Иногда шедшу Царю Алеѯандру мимо Дiогена, Дiогенъ аки презирая его не воззрѣ нань, емуже рече Алеѯандръ: что се Дiогене, яко не воззриши на мя; аки бы никогда я тебѣ надобенъ былъ, емуже рече Дiогенъ: не употребляю служебника служебниковъ моихъ. Паки рече ему Алеѯандръ: азъ ли служебникъ служебниковъ твоихъ; рече Дiогенъ: такъ истинно, азъ бо свою волю одолѣваю, а ты воли своей подданъ, она бо тя премогаетъ; того ради служебникъ еси служебниковъ моихъ.

Въ нѣкое время стiхотворецъ ѕѣло хваляше Алеѯандра предъ Дiогеномъ, а Дiогенъ взявъ хлѣбъ нача ясти, онъ рече: что твориши, почто не слушаеши; отвѣща: прибыльнѣе хлѣбъ ясть, хотя не хочется, нежели словъ лживыхъ слушать.

Узрѣвъ нѣкоего юношу лицемъ дурна, но нравомъ добрымъ, рече: доброта души его много красоты лицу его придаетъ.

Также видѣвъ одного мужика деревенскаго дурака на камени сѣдяща, рече: се камень сѣдитъ на камени.

Вѣ болѣзни лежащаго, егда пріятели утѣшая говаривали, да не боится, заеже се отъ бога есть, отвѣща: того для больши боюся, яко отъ бога есть.

Во едину отъ нощеи, егда воръ восхотѣ украсти у него мѣшокъ съ деньгами, онъ же пробудився, и видѣвъ, что дѣло до денегъ; рече ему: возми бѣдниче возми, даи намъ крѣпко спать.

Вопрошенъ: для чего людеи боится; отвѣща: ѕлыхъ того ради боюсь, яко ѕли въ дѣлѣхъ своихъ, а добрыхъ яко ѕлымъ сообщаются.

Вопрошенъ: чего всякому блюстись и стеречися; отвѣща: ненависти пріятельскои, а слезы непріятельскои.

[ДОГАДЛИВЫИ ЕГО ПОСЛОВИЦЫ.]

Въ заступленіе свое всякому подобаетъ имѣти пріятеля.

Въ своемъ дѣлѣ самому судіею добрымъ не мочно быть, аще бы иныхъ и гораздо умѣлъ судить.

Неповиннаго осудивыи, самъ себе явитъ, того бо ради совѣсть его грысть будетъ.

Хощеши ли благъ быти, отрини то отъ себя, что во иномъ ненавидишъ.

Совѣтъ отъ истинныя любви блюди у себе и послушаи.

ѲАЛІСЪ

Θалісъ Міліттискій вопрошенъ бывъ: что есть неудобнѣйшее; повѣда то: еже познати самого себе.

Паки вопрошенъ: что есть удобнѣйшее; отвѣща: удобнѣйшее иного увѣщать. Вопрошенъ же: кто щасливъ; сице отвѣща: иже тѣломъ здравъ и въ мыслѣ изученъ.

О семъ пишутъ, бога подобаетъ усердно молити.

Да здравіемъ и смысломъ подастъ здраву быти.

Вопрошающу: какъ бы человѣкъ благочестно моглъ житіе свое вести; таковъ путь явилъ: всякъ то достигнетъ, естьли самъ того не искусится, что во иныхъ хулитъ.

Тожже повѣдалъ: что многословіе не являетъ человѣка быти разумна.

Много такихъ, что многорѣчіемъ хотятъ предъ людьми явитись разумными, а чернь видя говорливаго человѣка, почитаетъ его за премудра. Но многовѣденіе на добрыхъ поступкахъ належитъ не на многорѣчіи.

Вопрошенъ: что есть любезнѣйшее; отвѣща: сподобитися того, о чемъ промышляешъ.

Всего больши, люди тѣмъ довольствуются, егда то улучатъ, за что стоятъ.

Онъ

Онъ же вопрошенъ: какъ бы кто могль тихо снесть свое нещастїе; отвѣща: аще бы видѣлъ недруги свои въ большомъ нещастїи.

Вопрошенъ: что есть древнѣишее; рече: богъ древнѣишїи, заеже есть безъ начала.

Что изряднѣишее; свѣтъ, себо чинъ божїи всякими вещьми украшенъ.

Что большее; мѣсто, все бо въ себѣ обья.

Что скорѣишее; мысль, заеже въ маломъ времяни вездѣ она.

Что премудрѣе; время, яко по времени всего достигаютъ.

Что крѣпчаишее; рекъ: се есть непремѣнное божїе смотрѣнїе.

Тоиже вопрошенъ: кого бы могъ съ трудностїю видѣть; отвѣща: неудобнѣе видѣть мучителя состарѣвшася. Мучитель бо рѣдко мучительства ради своего доходитъ до старости.

Вопрошенъ: аще человѣкъ творяи ѕлое, можетъ утаитися предъ богомъ; отвѣща: не точїю съ дѣломъ, но ни съ мыслїю своею кто предъ нимъ утаитися можетъ.

Онъ же глагола: яко нѣсть разни межь животомъ и смертїю. Нѣктожъ реклъ ему: аще тако, то чего ради не умреши;

умреши; на сіе рече: для того и не умираю, что все за ровно и жить и умереть.

Сеи Ѳалісъ убогъ былъ, во ученіи упражняясь, имѣнія никакова не желалъ.

Ругающимся нѣкимъ, яко бѣ убогъ, аще и мудрецъ, и яко ему мудрость не прибыльна, дабы ругателеи своихъ посрамилъ, яви разумъ свои смотря на звѣзды, ихже гораздо искусенъ былъ и позналъ, что въ будущее лѣто масло не родится, а того году довольно было, и онъ зимою въ дву городѣхъ въ Міліте и въ Хіи много и дешево масла накупилъ, потомъ въ будущіи годъ какъ масло не родилось, а почали спрашивать, онъ продавать учалъ цѣною по своеи воли, и денегъ довольно набралъ, и тѣмъ ругателеи своихъ обругалъ, явилъ яко мудрость его не тща была, занеже разумному удобь обогатитися мочно, только мудрости съ богатствомъ трудно ровнятись.

Тоиже и сія глагола: блюди да не будеши богатъ неправдою.

Якоже поступиши къ родителемъ твоимъ, тако надѣися и сыновъ впредь своихъ къ тебѣ быти.

СОЛОНЪ

СОЛОНЪ мудрецъ родомъ изъ Аѳінъ, вопросившу Королю Крезу ѕѣло богату: видѣлъ ли человѣка щастлившаго паче его; отвѣща: видѣхъ Телля Аѳінянина житіе свое безъ похуленія ведшаго и оставившаго чадомъ своимъ честное пропитаніе, и крѣпко ратуя за отечество улучивъ славу на бою умре, потомъ паки вопроси: аще бы по Теллѣ видѣлъ кого щастливаго; Солонъ повѣда: что зналъ Кліова и Вітона братеи родныхъ, иже поѣхавъ съ матерію въ капище на праздникъ, и конемъ уставшимъ сами въ возъ впряглись, и привезли матерь свою въ капище, и великои славы сподобився въ ту же ночь померли. Посемъ Король гнѣвомъ движимь, рече: а мнѣ никаковали мѣста межъ щастливыми даешъ; на се Солонъ: причитаю о Королю, что ты щастливъ, а щастливымъ назвать не смѣю, прежде даже щастливо животъ скончаешъ.

Надобно человѣку дни ждать послѣдняго, а прежде смерти не достоитъ звать щастливымъ никого.

Какъ и тотъ Крезъ не вдолзѣ позна свое премѣнное щастіе, ибо пораженъ потомъ бысть Кіромъ Царемъ и плѣненъ. а еже вящшее, на костеръ дровъ бѣ возведенъ на сожженіе, и тамо помянувъ

слово

слово Солоново, великимъ возопи гласомъ: о Солоне, Солоне! услышавъ сїя Кїръ вопроси: кого поминаешъ; и увѣдавъ совершенно отъ него о Солонѣ и о бесѣдованїи его съ нимъ, не велѣлъ его жечь. Тѣмъ же убо щастїю своему вѣрить излишно не подобаетъ, много бо можетъ нанестися отвсюду на человѣка бѣдъ, и отъ богата сотворить скудна.

Никто не уповаи на лишнюю удачю, ни отчаяваися во ѕлу неудачю, иже бо на главу вѣнецъ возлагаетъ, тои и съ нея снимаетъ.

Тоиже повѣда, яко уложенья паучиннымъ сѣткамъ суть подобны, занеже сильныи аки шершень пробьется, а бѣдныи аки муха увязнетъ.

Вопрошенъ, како угодити, да обиды не вредятъ посредѣ людеи, таковъ яви посредокъ, не много бы обидъ было, ежели бы неизобиженные вступались за обиду чужую аки за свою.

Егдабъ сїи вступались въ обиду иныхъ, конечно немного бы тѣхъ было, которые обидятъ.

Тотъ Солонъ, занеже бѣ человѣкъ разуменъ, законы подалъ Аѳїняномъ, егдаже вопрошенъ бысть: почто не положилъ въ законѣ, како имать казненъ

бытии, иже отца своего убіетъ; сицевъ даде отвѣтъ: Того ради не положихъ, яко не чаяхъ, да кто такое злое прегрѣшеніе въ сеи рѣчи посполитои содѣетъ; сего ради нехотѣхъ и поминати о томъ.

Повѣдаше, яко мниміи быти въ милости у мучителеи, зѣло подобни суть Цытамъ, которые по угожденію счетчика, овогда многіе тысящи, иногда зѣло мало, а временемъ ни во что не кладутся.

Пісістрату пріявшу на себя чинъ первенства во общенародіи и зѣло склонившуся на мучительство, Солонъ крѣпко противяшеся ему. Вопросившу же его Пісістрату, на что надѣясь толико дерзостно поступаетъ; сказа: старость то моя содѣваетъ, что тебя не боюся.

Позлавъ лукавство Пісістратово, иже самъ себѣ раны подѣлавъ, восхотѣ явити, будто былъ измѣною израненъ, да народа обманетъ, и на печаль, а потомъ и на смятеніе приведетъ, сице ему рече: не хорошо Пісістрате изображуеши Улісса, ты бо тѣхъ ранъ, ихже самъ себѣ сотворилъ на обманъ своихъ же употребляеши, а онъ самъ себе изранивъ непріятелеи обманулъ.

Тоиже

Тоиже глаголаше, состарѣешися много добра на всякъ день учась.

Нынѣ въ стыдъ вмѣняютъ научитися чему, слушавъ старого или бывалого, а того не вѣдятъ, что самая старость не творитъ разумна никого, но токмо ученїе и искусство.

Солонъ былъ на нѣкоемъ мѣстѣ, идѣже вси тамо сущїи говорили, онъ же единъ токмо молча бѣ, рекоша ему: почто не говоритъ, еда глупецъ или скуденъ въ рѣчи; отвѣща: глупецъ молчать не можетъ.

Вопрошенъ: кому быть управителемъ людеи; рече: тому, иже въ дому своемъ прежде управлять научился.

Вопрошенъ: что есть острѣишее меча; отвѣща: языкъ ѕлаго человѣка.

Кто паче свободнѣе; [или тороватѣе] рече: кто добра своего съ охотою удѣляетъ, а чужаго не желаетъ.

Како градъ можетъ добрѣ правимъ быть; рече: аще бы Воеводы и правители по закону жили.

ВІАСЪ мудрецъ, егда случися ему шествовати моремъ съ людьми злыми, воставшеи же великои бурѣ, караблени цы начаша призывати въ помощъ боговъ, сице рече къ нимъ: азъ совѣтую, мол-

чите, да не услышатъ бози, яко здѣ шествуете.

Вмѣни мудрецъ, яко мольбы нечестивцевъ больши бога на гнѣвъ, неже на милость возбуждаютъ, и яко богъ лежащихъ во грѣсѣхъ не послушаетъ.

Тоиже вопросившу его человѣку нечестиву, что есть благочестіе; не восхотѣ отвѣщати. Вопросившужъ о винѣ, коея ради молчаніемъ его отбываетъ; Віасъ рече: того ради на вопросъ твои не отвѣщаваю, яко о томъ вопрошаеши, что тебѣ нѣсть прилично. Не ко всякому отвѣщати подобаетъ иной бо овогда въ рѣчь входитъ на кощунство, или точію оказываяся, а бисера метать предъ свиніями не подобаетъ.

Егда градъ, въ немъ же Віасъ родися, отъ непріятеля плѣненъ бѣ, жителемъ же его повелѣно, кто что можетъ понести, и многи вещи носящіе исхождаху, единъ точію Віасъ ничтоже взя съ собою, къ вопрошающимъ же отвѣща: азъ все имѣніе мое несу съ собою.

Являя, яко то правое имѣніе, егоже отнять никто можетъ, доколѣ живъ человѣкъ.

ВІАСЪ Пріененскіи мудрецъ, единъ отъ седьми мудрецовъ, бѣ Князь во градѣ Пріененскомъ, но межъ Пріеняны и Месалітяны брани заченшеися, ратнымъ же Пріененскимъ много дѣвицъ Мезселінскихъ плѣнившимъ, ихже Віасъ видѣвъ, скорбяше, и взявъ ихъ къ себѣ, храняше честно яко своихъ. Потомъ новы ризы имъ здѣлавъ, и одаривъ къ родителемъ посла, дабы тѣмъ милосердіе явилъ, могіи имъ ѕлѣ сотворити, не сотвори. Егдаже сіе предъ народомъ Мезсалінскимъ промчеся, абіе къ Віасу Послы послаша съ различными дары, просяху примиритися.

Въ нѣкое время, егда Аліатъ Князь градъ Пріенскіи осади, надѣясь гладомъ выморить, тогда Віасъ своимъ разсмотрѣніемъ скудость бывшую во градѣ сице прикры: двѣ тучны яловицы изъ града пусти, да яты будутъ отъ сопостатъ, ихже Аліадъ Князь видѣвъ возпещева, яко имѣютъ обиліе запасовъ, посла къ Віасу да изыдетъ изъ града о примиреніи совѣститися; отвѣща: аще бы азъ вышелъ, то бы Пріеняне лукъ ѣли, [се есть плакали.]

боятебося, да изшедъ изъ града не плѣнится, но Послу Аліатову вшедшу во градъ, Віасъ повелѣ велику громаду

 песка

песка насыпать, юже пшеницею сверьху прикры, а другую рожью, и Послу показа, слышавъ же о томъ Аліадъ примирися съ нимъ, и отступи отъ града.

РАЗУМНЫЯ ЕГО РѢЧИ.

Зри, да старыхъ и честныхъ мужеи почитаеши.

Дерзость лишняя многократно досаду приноситъ.

Множество имѣнія имѣти, щастье хочетъ, но привоздержну быть, дѣло разумнаго есть.

Чужаго зла не воспоминать.

Неудобнѣе между двома пріятельма судъ судить, неже между непріятельми, отъ пріятеля бо единаго себѣ непріятелемъ содѣешъ, а отъ непріятелеи оба пріятели будутъ.

безумна мысль есть вещеи не возможныхъ хотѣти.

Что себѣ умыслишъ, блюди при себѣ, немного говоря, тобо ненависть приноситъ.

Смотрѣніе люби. Недостоинаго человѣка имѣнія для, не хвали.

Мудрость всего лучши.

Издавна искушенныхъ друзеи имѣи, и ихъ единою мыслію, а не единымъ возмездіемъ люби. Пріятелеи такихъ подра-

подражаи, которыхъ бы не срамился въ какои нуждѣ просить.

Двѣ вещи думѣ суть препоною, ускоренїе и гнѣвъ.

ПІТТАКЪ Мітільскїи нѣкоего сотворшаго ему обиду, имяше его въ руку своею, егоже и наказати можаше, свободна отпусти; рекъ: лучше есть оставленїе, неже наказанїе.

Оставить бо вину, прилично доброи природѣ, а казнь свирѣпому естеству свойственно.

Тоиже глагола: равную въ жену себѣ понимаи, да возможеши жить въ согласїи.

Поемшимъ богатую мужемъ, то какъ хочетъ, жена правитъ, и комедїи въ дому часто могутъ быть.

Съ равною скорои миръ, а съ убогою скорѣе.

Скуднѣе себя бери, богата бо гордится, инако, съ своимъ мужемъ жена не смирится.

Вопрошенъ: что есть избраннѣишее; отвѣща: добро творить и со всякимъ дружитися.

Что прїятнѣишее; рече: добрыи прїятель.

Что вѣрно; земля.

Что не вѣрно; море.

ВІОНЪ борістенскій вопрошенъ: надоболи женитися или ни; сице рече: аще поимеши не хорошую, та омерзѣетъ, ащеже прекрасну, та многимъ помилѣетъ. Тотъ же красоту нарицаше чужимъ добромъ, ибо недолго держится человѣка.

Ибо красота на краткое время при человѣкѣ есть, аки не наша, сего ради подобаетъ памятовать тѣмъ, иже обыкли гордитися, егда увидятъ частицу красоты на лицѣ своемъ.

Жены прекрасные смотрятъ высоко.
А съ красотою пускаютъ гордо свое око.

О семъ Стіхотворецъ сице:

Красота добро кратко, подшедши подъ лѣта
Малѣетъ, и своего лишается цвѣта.

Еже и инъ изрядно изобрази.

Сеи лучь, иже на юныхъ ланитѣхъ блистаетъ,
Единымъ мгновеніемъ, и вдругъ исчезаетъ.
На всякъ день красота убываетъ лица.
Тако бо попускаетъ божія десница.

Вопрошенъ: кто бываетъ печальнѣишіи; Повѣда: иже въ дѣлѣхъ великихъ хочетъ быть высокимъ.

Шумитъ

Шумитъ въ головѣ хотящему достигнути высокихъ дѣлъ, занеже и ходя за ними суетится, и нашедъ чтобъ не потерять, боится,

По словеси Стіхотворцову:

Не мала то печаль, умѣть животъ нажити.

больше того тщаніе, наживъ не погубити.

Именіе называлъ жилами всѣхъ дѣлъ: имѣяи бо довольно денегъ, ко всякому дѣлу имѣетъ удобныи приступъ,

Якоже глаголетъ Стіхотворецъ:

Много деньги могутъ, а правда царствуютъ.

боярствомъ съ порою, и честь похоствуютъ.

И паки тоиже.

Сила, слава, лѣпота богатству послушны.

Въ мирскихъ и въ Царскихъ дѣлѣхъ сутъ прислушны.

Собравыи сихъ славенъ, честенъ бываетъ.

Правъ, мудръ, смысленъ и царства достизаетъ.

Тоиже повѣда: яко великое нещастіе, не умѣть понесть нещастія.

Во время нещастія, потребно есть великое терпѣніе и сердце крѣпко.

Не умѣли же употребить, тѣмъ самимъ къ вящшему нещастїю путь себѣ стелетъ.

Случися, нѣкогда ему пловущу кораблемъ съ людьми мало добрыми, впасти въ разбоиники, и тамо шепчющимъ имъ между собою, бѣда наша, естьли насъ познаютъ; Вїонъ же рече: и мнѣ бѣда, естьли насъ не познаютъ.

Угодно то лихимъ людемъ, егда ихъ не познаютъ, тѣмъ бо могутъ убѣжати того, и на что работаютъ, а добрымъ ѕѣло вредно, яко часто имъ случается по непознанїю ихъ, чего бы не было, естьлибъ ихъ знали.

Подобно Архїмеда землемѣрца и иныхъ побили, занеже ихъ не знали.

Тоиже повѣда, яко высокое мнѣнїе о себѣ, есть великою препоною къ правдѣ.

Часто то бываетъ, кто о себѣ много мнитъ, тотъ всяку вещь легко ставитъ, и ни отъ кого учитися не хощетъ, аки бы всѣ умы въ себе собра, и тако той едва на исправленїе дастся, а смиренная о себѣ мысляи, на свои умъ не опирается, больше о людѣхъ, неже о себѣ разумѣя, все аще что къ дѣлу слышитъ, въ память себѣ емлетъ, и тѣмъ по времяни высокимъ человѣкомъ и чистаго разсужденїя бываетъ.

Узрѣвъ

Узрѣвъ нѣкоего богата скупа, рече: се человѣкъ, иже не самъ селомъ своимъ, но село имъ владѣетъ.

Тоиже о тѣхъ же глаголаше: яко крѣпкіе богачи толь великое радѣніе о богатствахъ имутъ, аки о собинныхъ, а имже прибыли нѣтъ и ни касаются имъ, аки быти чужимъ.

Видѣвъ человѣка печальнымъ лицемъ завидлива, рече ему: не вѣмъ о чемъ ты печаленъ, знатно или тебѣ нѣчто странно прилучилось, или кому что доброе учинилось.

Завидливыи человѣкъ не меньши печалится о томъ, егда что кому пощастится, нежебы самому ему бѣда какая учинилась:

Того ради глаголетъ Стіхотворецъ:
Завидливыи сохнетъ о томъ,
Егда видитъ щастіе въ комъ.

Старость нарицаше пристанищемъ, къ которому люди отъ нещастія убѣгаютъ.

Якоже бо отъ бурь морскихъ къ пристанищу притекше блага чаютъ, тако и достигшіи старости, всякои нуждѣ вскорѣ конца ожидаютъ.

Тоиже прещаше ни единому старому ругатися, ако старъ есть, понеже всякъ желаетъ сподобитися стараго вѣка.

Глупъ

Глупъ разумъ ругатися тому, къ нему самъ достичь хощешь.

Славу называлъ матерїю лѣтъ, по сему, яко слава честна честныхъ людей по смерти ихъ вѣчно слыветъ, и краткому вѣку человѣческому лѣтъ прибавляетъ.

Тойже вопрошенъ: что глупость; рече: глупость ничто ино есть, точїю препона къ щастїю.

Глупымъ ни щастїя достичь, ни аще бы приснилось къ нему, употребляти умѣетъ.

АНАѮАГОРЪ Фїлософъ славный, бѣ учитель Перїкля Князя Греческаго, егоже пришедша въ глубокую старость, презрѣ Периклїй, Фїлософъ же улучивъ Князя того видѣть, сице его порече: О! Перикле, вси, иже требуютъ свѣтлости, наливаютъ лампаду масломъ. Являя то, аще малыя ради свѣтлости, масла не жалѣемъ, много паче человѣка ради достойнаго, жалѣти не подобаетъ ему всякихъ потребъ въ пропитанїе его.

Егда отъ Аѳинянъ во изгнанїе бѣ осужденъ, нѣкто рече ему: се Аѳинянъ лишился еси, на то отвѣща: убо они меня лишилися, не азъ ихъ.

Которые

Которые изрѣяютъ [отгоняютъ] людеи достоиныхъ отъ себя, чаютъ, что тѣмъ покорыстуютца, но хуже себѣ, неже имъ творятъ, а егда нужда прилучитса, паки ихъ къ себѣ сыскиваютъ.

Уже ему изгнану бывшу, пріиде къ нему вѣсть, яко сынове его умроша, о семъ нимало движимъ печалію, рече: вѣдахъ яко смертни родишася.

Тоже сыи близъ смерти, разболѣвся во градѣ ЛамѰакѣ, пріятелемъ же вопросившимъ его: велитъ ли по смерти отвесть себя въ Клазоменъ отечество свое; отвѣща: не надобно меня туды проводить по смерти, понеже на тотъ свѣтъ, отвсюду единака дорога.

АНАѮАГОРОВО УЧЕНІЕ СІЕ:

Бога хвали, пріятелемъ помогаи.

Родителеи почитаи, никому не завиди.

Никому не кленись, за правду не гнѣваися.

По уставомъ ходи, не поступаи гнѣвомъ.

Добродѣтель похваляи, доброе размышляи.

Всякому дружбу соблюдаи, бѣднаго не ругаи. Добро твори, кому можешъ,

тѣмъ много друзей наживешь. Что гдѣ видишь, твоя таины никому не повѣдаи.

ѲЕОФРАСТЪ Ересіи глаголаше: лучши вѣрить коню запрометчиву, неже слову вспыльчиву,

Коня мундштукомъ удержать можешь, а слово изнесенное не возможно возвратить.

О семъ Стіхотворецъ сице:

Что о комъ говориши и съ кѣмъ, крѣпко смотри, испытателей бѣгаи, говорка отпотри, въ ушахъ бо разверстыхъ рѣчь не держится, единожды речена, уже не возвратится.

Тоиже глаголаше: ни едино иждивеніе больши, якоже время.

Иніи бездѣльныя забавы вымышляютъ, какъ бы время скоротать, и другъ другу за то благодарятъ, а того не вѣдятъ, что время вещь многоцѣнна, и великимъ стремленіемъ убѣгаетъ, яко и догнать не возможно, ни вспять когда возвратить, яко глаголетъ Стіхотворецъ: часы пловутъ, въ которыхъ скоро старѣемся. Дни бѣгутъ, удержать ихъ не надѣемся.

И паки, ни вода збѣжавшая назадъ возвратится, ни часъ, иже миновалъ напреди

напреди явится. И паки: время непрестанно бѣжитъ движенiемъ, аки рѣки быстрые своимъ стремленiемъ.

Подобно времена въ равенъ уплываютъ, и новости вседневны тому подражаютъ.

Сѣдя на пиру всегда молчащему; сице рече: аще глупъ сыи сiе творишъ, то разумно творишъ, аще разуменъ сыи, молчишъ, творишъ сiе гораздо глупо.

Глупому всего лучши молчать, такъ бо уидетъ, не до конца за глупого, а разумному ни безпрестанно молчать, ни лишнее говорить пристоино.

Тоиже повѣда, дать мечь бѣшеному, а власть человѣку ѕлому, едино есть.

КРАТЕСЪ Фiлософъ хотящимъ отъ него вѣдати: что прибыли ему Фiлософiа принесла; сице повѣда: та мнѣ корысть отъ Фiлософiи, яко малымъ довольствуюся, и ни о чемъ не печалюся.

Тѣмъ иже отъ похоти удержатися не могутъ, тѣ лѣкарства показывалъ, яко похоть цѣлима бываетъ гладомъ, а ежели то не поможетъ, того самого время лишитъ. Аще и такъ исправленiя не послышиши, то конечно излѣчитъ смерть.

И сiе

И сїе повѣда, яко нѣсть человѣка безъ порока.

О семъ пишетъ Орацїи.

безъ порока какова ни кто же родится.

блаженъ, иже никогда ими бѣдится.

О дружащихся со ласкательми повѣдалъ: яко тїи токмо суть на поруганїе выданы, аки овцы посредѣ волковъ.

богатства людей вотчинныхъ и скупыхъ сказываетъ быть подобны фїниковымъ древамъ высоко на росполинахъ каменныхъ сущимъ, аще бо бы тамъ и многоплодны родились, человѣкъ не добудетъ плодовъ, точїю птицамъ отъ нихъ корысть, подобно богатствами вотчинныхъ и богатыхъ людеи только потаковщики насыщаются.

Царь Алеѯандръ, Государь податенъ ѕѣло, любляше людеи ученыхъ, яко Арїстотеля ради Фїлософа градъ Стагїрїтъ, идѣже родися, изрядно устрои и каменемъ оградн. Тужъ милость хотяи явити и Кратесу, вопроси его: хощетъ ли да отчина его построена будетъ, бѣ бо тогда разорена. На сїе Кратесъ отвѣща: не надобно, аще бо бы нынѣ и гораздо устроена была, тобы пришедъ иной Алеѯандръ паче разорилъ.

Являя

являя яко на свѣтѣ ничто есть надежно и крѣпко, что единъ построитъ, то другои разоритъ, единъ пожалуетъ, другои отъиметъ.

Кратесъ сему научаше: Ни о комъ ѕла не говори, только слушаи что ѕлое о комъ говорятъ, да ты таковъ не будеши. Слыша много, говори мало; прежде уразумѣи рѣчь, потомъ оныя касаися; отъ юности учись мѣрности и воздержанія, на старость мудрости и добраго совѣта.

Добраго чти, ѕлаго не жалѣи.

Добрымъ многимъ вредитъ, кто ѕлымъ попущаетъ.

ЗІНОНЪ узрѣвъ нѣкоего самолюба, что по малу и бережно ступалъ чрезъ проточину; сице рече: дѣльно дѣлаетъ, что болото минуетъ, занеже въ немъ осмотрится не можетъ.

Хулящу нѣкоему Антісѳена Філософа вопроси его; есть ли что въ Антісѳенѣ, еже бы въ немъ не годно было; оному рекшу: не вѣмъ, глаголетъ Зінонъ: не стыдъ ли ти, яже Антісѳенъ забывся произрече: къ тому абіе ты прилѣпился и не забываешъ, а въ чемъ дѣло говаривалъ, того не помнишъ.

Въ обычаи вниде, яко въ чемъ либо человѣкъ ошибется въ письмѣ или въ словѣ, то все за то хватаются, а что разумно на письмѣ или словомъ издастъ, то въ ничто вмѣняютъ.

Къ юношѣ многоглаголиву сице рече: твои уши въ языкъ выросли. Являя, яко юному подобаетъ много слушать, а мало говорить.

Часто глаголаше, яко людемъ больши всего времяни не стаетъ, иніи всуе дни проводятъ, а разумнымъ на надобные дѣла время не стаетъ, оттуду нѣцыи о краткомъ вѣцѣ тужили, яко хотяще постигнути вещеи высокихъ въ наученіяхъ, краткостію вѣка достичь не могли: Сего ради Іппократъ древніи Докторъ въ началѣ своихъ писаніи глаголетъ: художество долгое, животъ кратокъ.

Вопрошенъ бывъ, что есть добрыи пріятель; рече: пріятель добрыи есть, вторыи азъ.

Слышавъ нѣкоего юношу многоглаголющаго; сице увѣщева: сего ради имамы два уха, а уста едины, да больши слушаемъ, а меньши говоримъ.

Послы Царя Птоломея, многихъ ученыхъ къ себѣ на почесть призвша, и крѣпко прислушивали Зінона, и яко

ѕѣло

ѕѣло мало глаголаше, уразумѣть не возмогли, сего ради рекоша ему, да повѣсть имъ, какову бы о немъ вѣдомость Государю своему донесли, на то таковъ далъ отвѣтъ: сице повѣдаите о мнѣ, что видѣли нѣкоего старика, иже умѣетъ на пиршествѣ молчати.

Тотъ вредъ многихъ держится, яко при пирахъ много говорятъ, являясь разумными, а человѣкъ разумный, или молчитъ, или такъ умѣрится, чтобъ инымъ говорить досталось.

Тоиже повѣда, лутче потткнутца ногою, неже языкомъ.

Вопрошенъ; коего сердца тогда бываетъ, егда кто его лаетъ; повѣда: такова сердца есмь, яко егда бы отвѣта не давъ Посолъ, отпущенъ былъ.

Тойже, егда человѣка своего за вину велѣлъ высѣчь дубцами, а онъ отговаривался, что рокъ его былъ такъ провинитись; отвѣща: и то потомужъ рокъ былъ, еже ти быть биту.

Обычаи многимъ вины свои, или року причитать, или на діавола валить. Того ради глаголютъ, егда правятся, такъ богъ изволилъ, или то сатана на меня навелъ, но богъ нѣсть виновенъ ѕлу, а отъ діавола удобно отгрестися мочно, егда видя ѕлое, не коснешися тому.

Отъ ученіи Зінонінныхъ сіе избранно: Таинѣи у тебе твои вещи подобаетъ быти, юже слышиши.

Потаковщиковъ вѣдаи, твоимъ всегда быти сѣтямъ.

Нѣкоему говорливому человѣку рече: естьли бы ты моима ушима слышалъ, молчалъ бы.

И тако учаше, не спѣши говорить, слушаи много. Кто не умѣетъ молчать, не умѣетъ и слушать, лучши егда единъ добрый хвалитъ, неже много ѕлыхъ.

Глупость есть завидѣть богатому и смѣятися бѣдному.

Что кому здѣлаешъ, того себѣ отъ иного жди.

Кто всегда бережется, тотъ безъопасно ходитъ.

МЕНЕДЕМЪ, егда его Нікокреонъ Царь Кіпрскій призва купно съ прочими Філософы на торжество честно къ себѣ; рече къ нему: О Царю, аще дѣло добро есть то, еже имѣти кругъ себя людеи ученыхъ: Того ради пристоино то всегда чинить, а ежели не чинить, то и нынѣ напрасно сіе ты сотворилъ, что насъ къ себѣ призвалъ еси.

Велія

Велія великому господину красота, еже имѣть при себѣ людей ученыхъ и совѣта ихъ держатися, тіи бо лучше усматривать могутъ, что есть пристойное и что ни, и чему щастіе и чему паденіе послѣдуетъ.

У негожъ, егда Антігонъ совѣта просяше, на бесѣду итти ли ему или ни; помолчавъ мало, ничто же больши отвѣща, точію то: Царевичь еси.

Аки бы рекъ, яко не подобаетъ тому пиршествами упражнятися, егоже вѣнецъ ожидаетъ.

Нѣкоему глаголющу, яко всего лучше есть, еже бы доступить всего того, чего человѣкъ желаетъ. Менедемъ рече: много паче лучше ничего не желати, кромѣ вещи пристойныя.

Мнози суть очесъ ненасытныхъ, что видятъ диковины, то все видѣлибъ у себя, и нетокмо что видали, о томъ пекутся, но чего и не видали.

Пишутъ о Царѣ Алеѵандрѣ, иже слышавъ отъ Філософовъ повѣдающихъ, яко не единъ есть свѣтъ, но мнози, плакаше глаголя: увы мнѣ, яко азъ и единаго еще подъ власть свою не покорилъ свѣта.

СТІЛБОНЪ Філософъ, егда Царь Македонскіи плѣни градъ Мегару, откуду онъ бѣ, и призвавъ вопроси его, не плѣниша ли воини имѣнія его, хотящъ ему отдати.

Сице отвѣща: отъ моихъ у мене ничтоже есть взято, и не видѣхъ еще, дабы кто у меня разумъ отнялъ.

Філософъ не вмѣняше имѣнія въ дѣло, токмо мудрости, еже есть сокровище не отъемлемое.

Тоиже Царь плѣнивъ всю невольничью челядь, и отъѣжжая рече: оставляю вамъ градъ свободенъ, Стілбонъ ему отвѣща: воистинну свободенъ, ни единаго бо невольника въ немъ ты не оставилъ.

Всѣмъ взирающимъ нань, единъ рече отъ нихъ, се како тебѣ дивятся аки нѣкоему ѕвѣрю; на то имъ отвѣща: не яко ѕвѣрю, но яко истинному человѣку.

Філософъ бо разумомъ правимыи, межъ народомъ есть аки новина, для того дивятца.

ДЕМОНАѮЪ Філософъ повѣдаетъ, не подобаетъ на людеи гнѣватись, егда въ чемъ провинятся, но паче вреды ихъ исправлять по образу лѣкареи, иже не гнѣва-

гнѣваются на страждущихъ, но въ нихъ болѣзни лѣчатъ. Не всегда гнѣватися подобаетъ, но времянемъ представить вину; и какъ человѣку свободитися ея, постоянно явить, и тѣмъ скоряе доброе что содѣетъ, неже крикомъ.

Вопрошенъ сеи: когда нача забавлятися Філософіею; отвѣща: въ то время, егда самъ себе познавати начахъ.

Нѣкто борецъ, яко Демонаѵъ обличи его, заеже одѣяся красно на борьбу, удари каменемъ въ лобъ и окровави его, всѣмъ убо глаголющимъ жалѣя его, да идетъ къ градоначальнику; онъ отвѣща: что дѣлать у градоначальника; лучше итти къ лѣкарю.

Тоиже вопросилъ нѣкоего, и пріялъ отвѣтъ ярыми словами; рече ему: азъ тя вопрошаю, а ты со мною глаголешъ, аки бы нынѣ ты Царь Агамемнонъ.

Имутъ обычаи нѣцыи въ малои вещи, употреблять словъ необычныхъ.

Агаѳоклеи высокоумствуя о себѣ хвалящеся о семъ, яко онъ единъ бѣ Діалектикъ и лутчіи отъ Діалектиковъ, того сице на стыдъ приведе Демонаѵъ, аще единъ точію Діалектикъ, то како можешъ быти лучшіи, а естьли лучшіи, то како можешъ быть, да будеши единъ.

Узрѣвъ нѣкоего яко надымашеся вздѣвъ на себя ризу багряну, пошепта ему на ухо глаголя: сіе прежде сего носила овца, однакожъ не лучши чего была, но токмо овца.

Люди мѣлкаго разума мнятъ, что много имъ прибудетъ отъ того, егда что дорогое вздѣнутъ на себя, а та одежда многоцѣнная, или отъ овчеи волны бываетъ истканa или изъ шелка, егоже червочки маленькїи дѣлаютъ, или изъ инои какои худыя вещи.

Къ Лакедемонянину нѣкоему, иже свирѣпствова на невольника своего; сице рече: престани являти себе подобна невольнику своему.

Тои яко невольникъ есть, иже не можетъ свободитися страстей своихъ.

Офіцеръ нѣкто имыи во врученіи своемъ отъ Воеводы немалое воинство, совѣта просилъ у него, како возможетъ тотъ чинъ себѣ врученныи добрѣ управить; тому таковъ даде совѣтъ: аще не будеши сердитъ и мало говоря, будешъ много слушать.

Владѣющему воями, не подобаетъ яростію поступать, занеже тотъ часъ оступится, не будетъ имѣти доброхотящихъ себѣ, подобаетъ же больши слушати, неже глаголати. Такову бо

со-

сокровенну быти подобаетъ свои совѣты не оказывать, а чужихъ накрѣпко выслушивая вывѣдывать.

Вопрошенъ Філософъ, ястъ ли пряники; отвѣща: или чаешъ, что для дураковъ токмо пчелы медъ збираютъ.

Егда совѣтова ему Епіктитъ Філософъ, дабы женился, являя то за прибытокъ Філософу; отвѣща: даи за меня дщерь свою.

Обличая его, что не дѣло глаголаше иному бо то совѣтовалъ, чего самъ не исполнилъ, Епіктитъ бо не бѣ женатъ.

ПІѲАГОРЪ повѣда, яко во общіе народы вносится роскошъ, потомъ насыщеніе, посемъ насиліе, а на конецъ пагуба.

Тоиже повѣда, велико то ученіе, которои стерпѣть можетъ, и покрыть глупость человѣка безумна.

Тоиже глагола, вящшее есть совѣсти грызеніе паче тяжчаишихъ мукъ. О мученіи совѣсти пространно пишетъ Ювеналіи, межъ иными дѣлами и сіе воспоминаетъ.

Тіи трепещутъ егда молнія блистаетъ.
И на землю бездушныхъ громомъ простираетъ.

Вопрошенъ: что творитъ людей подобныхъ богу; рече: ничто ино, яко правда говорить всегда, и стоять при неи постоянно.

УЧЕНІЕ ПІѲАГОРОВО.

Тѣ вещи наипаче да имутъ быти отдалены отъ человѣка, немощь отъ тѣла, невѣденіе отъ ума, похоть ѕлая отъ плоти, отъ града несогласіе.

Доброту и благостыню по бозѣ перво любити, та творитъ людей близкихъ къ богу.

Гнѣва елико кто убѣгаетъ, толико больши его гонитъ и препону ему творитъ. Тогда сами на себя гнѣватись начинаемъ, егда на свое ѕло гнѣваемся, но конецъ гнѣва есть начало покаянія.

Тотъ нѣсть свободенъ, кого высокая мысль надуваетъ.

Инымъ благъ быти не можетъ,
Иже себѣ ѕолъ.

Двѣ вины суть женска плача, одна отъ истинныя милости, а другая отъ лести и лжи.

Вопроси нѣкто Піѳагора, аще хощетъ богатъ быть; отвѣща: богатство небрегу, яко оно отъ щедроты гибнетъ, и скупость не допущаетъ его употребляти.

Видя

Видя нѣкоего въ красномъ одѣяніи глаголюща скверны рѣчи; рече ему: или говори рѣчи по твоему платью, или облекися въ одежды подобны твоимъ рѣчамъ и нраву.

Нѣкто отъ кощунъ Піѳагора слушавъ, рече: лучше бы мнѣ со женами, а не съ мудрецами бесѣдовать; отвѣща: видимъ часто, что свиньи лучши валяются въ грязи, паче чистои воды.

Вопрошенъ: что есть на свѣтѣ новое; отвѣща: ничто.

Инъ же вопроси, что мудрость; отвѣща: размышленіе о смерти, ибо на всякъ день душа отъ тѣла изыти ожидаетъ.

АРХЕСІЛАИ Философъ вопрошенъ, что то есть, яко отъ иныхъ сектъ Философскихъ многи пристаютъ къ Епікурамъ, а едва кто ко инои сектѣ; на то отповѣда: то въ томъ есть, что изъ мужеи бываетъ каженикъ, а изъ каженика мужъ никогда не будетъ.

Являя, яко люди склоннѣе суть къ роскошамъ паче, неже къ добродѣтели: Епікуры бо роскошное житіе похваляютъ, а прочіе Философы житіе доброе любятъ.

КЛЕАНѲЪ

КЛЕАНѲЪ нѣкоему обличающу, яко пужливъ; отвѣща: право реклъ еси, что есмь пужливъ, для того мало и провиняюся. Добръ такои страхъ, которои отводитъ отъ грѣха.

Поругаемь, яко старъ бѣ, отвѣща: радъ бы уже лишился сего свѣта, но егда слышусь что здравъ и крѣпокъ, аще доведется писать или читать, то паки остаюсь.

ІРАКЛІТЪ Ефесскіи повѣда: не менши стоятъ подобаетъ за уложенія и вольности, якоже за селеніе и градостѣніе.

Тоиже глагола: больши подобаетъ угасити обиду, дабы пожаромъ до иныхъ не доходила, нежели егда загорится во градѣ.

Мнози противнаго разума, егда загорится, бѣгутъ тушить, а кого изобидятъ, то въ смѣхъ полагаютъ.

ЕМПЕДОКЛІИ узрѣвъ, что его сосѣди великіе роскоши плодили, однакожъ изрядно строились; сице рече: наши Агрігентины тако обильно живутъ, аки бы имъ утрѣ умереть, а строятся, будто имъ вѣчно жить.

ДЕМО-

Демокрітъ повѣда: скупые люди равно живутъ, якоже пчелы безпрестанно работаютъ, собираютъ, аки бы имъ здѣ вѣчно жить.

Пчелы вещь трудолюбива, но не всегда себе ради трудятся, времянемъ бо нетокмо медъ, но и ихъ самихъ выдираютъ, подобно и скупые люди собираютъ съ великимъ промысломъ, еже потомъ въ чужіе руки достается.

Демокрітъ вопрошенъ; какое разнство между людеи и животныхъ; отвѣща: разумно умствовати.

При бесѣдѣ нѣкоему молчащему сказа: отъ разумныхъ то имѣеши, еже молчати.

И то повѣда, яко приличнѣе скупому быть, неже со вредомъ чуждаго пріобрѣтенія искать, скупость требуетъ лѣчбы, а прибыль обиды.

Ѯенофонъ глаголаше: въ то время наипаче подобаетъ богу молитись, егда человѣку щастливо есть поведеніе, да нещастію приключьшуся, безбѣдно и съ доброю надеждою помощи прося къ нему притецемъ.

Тои сице непщева, аще бѣ и язычникъ, а нынѣ опако нѣцыи творятъ и Хрісті-

Хрістіане, егда добро дѣлаетца, о бозѣ не радятъ, а егда нещастіе кое или болѣзнь принудитъ, тогда хотятъ быти богомольны.

ЕПІКТИТЪ Філософъ повѣда, яко тіи не суть мерзостни богу, иже въ семъ животѣ различныхъ трудностеи употребляютъ, и аки съ нещастіемъ борются.

АНАѮІМЕНЪ видѣвъ, что Алеѯандръ пріиде съ своими вои подъ градъ Ламѱакъ съ тѣмъ намѣреніемъ, дабы разорити его, и изыде встрѣчу ему, егоже бѣ и учитель иногда, Алеѯандръ же мнѣвъ, яко Анаѯіменъ Філософъ идетъ къ нему ходатаиствовати за градъ, и отводить его отъ намѣренія его, абіе узрѣвъ его, ни ожидая дондеже изглаголетъ что, рече: кленутися Анаѯімене, яко ни по которому образу сотворю о просимыхъ тобою. Сія слышавъ Анаѯіменъ рече: молютися Царю, аще обрѣтохъ благодать предъ тобою, да градъ сеи Ламѱакъ разориши. Узрѣвъ Царь, яко предвари въ намѣреніи, клятвы же преступить не лѣть бяше, повелѣ воемъ отступити отъ града.

Разумныи

Разумный всегда есть полезенъ отчизнѣ, и не много мысливъ во всемъ угодити можетъ.

ХІЛОНЪ мудрецъ Лакедемонскій вопрошенъ, чѣмъ люди ученые превосходятъ не ученыхъ; отвѣща: доброю надеждою.

Искусніи ученіямъ, обученніи въ добродѣтелѣхъ и честно житіе ведуще, таковіи надежни суть добраго воздаянія за своя честная дѣла, а не брегущіи о добродѣтели, тіи не могутъ быть того надѣянія, да за ѕлыя поступки воздастся добрымъ.

Тоиже учаше, яко не подобаетъ ни на кого напущатись словами безчестными, да не глаголюще сущая по мысли, услышимъ досадная.

О семъ глаголетъ Терентій:

Иже глаголетъ; яже хощетъ.
Услышитъ, яже не хощетъ.

Вопрошенъ: что есть трудное; рече: всѣхъ вещей труднѣиши, таину умолчати.

Тоиже повѣда: не подобаетъ грозить ни кому, перво того ради, яко женское дѣло то, да и для того, что тѣмъ непріятель остереженъ бываетъ.

О женитвѣ

О женитвѣ сицевъ повѣда совѣтъ: жену поими съ среднимъ пожиткомъ, да вмѣсто жены не введеши въ домъ госпожи.

О семъ Стїхотворецъ:

Вскую жены богатои не хощу пояти, вѣдаи причину, чтобъ еи мною не владати.

Повѣда, яко къ мощи приложить подобаетъ и склонность, да не толико мочного боятся подвластнїи его, елико почитаютъ, ибо не любящъ кого боятися научаше, да юноши старѣишихъ почитаютъ, чтобъ впредь егда они состарѣются, ихъ въ чести имѣли.

Древнее обыкновенїе, честь воздавать старѣишимъ, а Лакедемоняне казняху за то, егда юншїи не почтетъ старѣишаго.

Тоиже глаголаше: тако человѣку разумному подобаетъ умѣрити себе, да меншїи не пужаются его, а честнїи дабы не гнушались.

Слышавъ нѣкоего хвалящагося, яко ни единаго имать непрїятеля; абїе рече ему: а прїятеля имѣеши ли хотя одного.

Являя, яко дружба и недружба недалече другъ отъ друга ходятъ.

Тоиже

Тоиже учаше, егда кто кому добро сотворитъ, не подобаетъ того самому гласить ни поминать.

Нѣцыи такови сутъ, аще что кому добро сотворятъ, то всякому сказываютъ, а временемъ выговариваютъ, и тако свое добродѣяніе ни во что вмѣняютъ.

Повѣда, яко на всяку неудачю и трудность, лучше лѣкарство имѣти сердце постоянно и друга вѣрнаго.

Тоиже глаголаше: хотящему блюсти здравіе свое, всегда подобаетъ памятовать смерть.

Вопрошенъ бывъ, кая старость лучши; сказа: яже подобна юности.

Хранящіися изъ млада, имутъ старость легкую и подобну юности, а иже изнурившіи здравіе свое избытками и прочими случаями, тіи всю старость свою во стенаніи проводятъ, яко инъ хотѣлъ бы лучши умрети, нежели быть полумертвымъ, умереть лучши, нежели животъ подобенъ смерти вести.

ХІЛОНЪ вопрошенъ, что есть щастіе; отвѣща: есть не умѣющіи лѣкарь, понеже многихъ обманываетъ.

Поучаше друга въ нещастіи лучши посѣтить, нежели въ щастіи.

Лучши убытокъ терпѣти, неже прибыль злую и неправедну.

Убытокъ бо единожды опечалитъ, а прибыль злая долго нудить станетъ.

Нещастливому не смѣйся.

Въ дому учись добраго господства, языкомъ разума не превосходи.

Не гнѣвомъ господствуй.

Вещей невозможныхъ не желай.

Закону повинуйся.

О комъ что глаголютъ, услышавъ соблюди то въ мысли твоей.

На камени или на оселкѣ злато и сребро познаешъ, а добрыхъ людей самъ разумъ искушаетъ. Въ судѣ недруга егда судиши, суди, дабы уложенье соблюдено было.

АВРЕОЛЬ Філософъ вопрошенъ, какую жену лучши пояти, убогую или богату; отвѣща: убогую питати не трудно, а богатыя нравъ понести, есть то, аки единъ адъ.

ХРІСІППЪ хотящимъ отъ него вѣдати, коея ради вины не хощетъ на ся пріяти правленіе общенародія, ту зададе причину, яко аще быхъ злѣ правилъ, неугодилъ бы богу, а ежели правилъ бы добрѣ, не угодилъ быхъ своимъ людемъ. КЛЕ-

КЛЕОБУЛЪ мудрецъ повѣда, иже норовитъ ѕлымъ, ѕѣльное ѕло творитъ добрымъ.

Тоиже глаголаше, кто обогатится отъ ѕла прибытка, тои долго господствовати не можетъ.

УМНЫЯ УЧЕНІЯ ЕГО.

Другу добро твори, да лучшіи ти другъ будешъ, недруга же зри, да сотвориши его себѣ другомъ.

Паче намъ подобаетъ блюстися зависти пріятельскои, неже навѣтовъ непріятельскихъ, навѣтъ бо непріятельскіи явленъ есть, а зависть пріятельская сокровенна и нечаянна на врежденіе.

Егда хощешъ изыти изъ дому, перво помысли, что имаши творити, и житіе свое добре уставь.

Люби ученіе, а невѣденія блюдися, граду совѣтуи полезное.

Своиство добродѣтели есть воздержаніе, а неправды ошаяваися.

Владѣть возжелѣньми, а съ женами въ содружествѣ не бывать и ни съ кѣмъ не ссорится.

Не смѣися убогимъ, занеже у нихъ въ ненависти будешъ.

Егда обогатѣеши, не спѣсився, а егда обнищаешъ, не скорби.

ПЕРІАНДРЪ мудрецъ обыклъ глаголати, кто хощетъ быть страшенъ многимъ, многихъ подобаетъ и самому боятись.

Тоиже повѣда: елико кто богатѣе, толико печальнѣе.

Тоиже глагола: во время щастія ненадобно возноситися, а во время нещастія не подобаетъ отчаяватися.

Люди въ щастіи обилующе, прочихъ легко почитаютъ, а то имъ потомъ ѕѣло вредитъ, какъ спотк нется, егда приключится что противное, тотъ часъ отчаяваются, но лучши слушать сего Філософа, въ дѣлѣхъ нещастливыхъ, великосердеченъ и крѣпокъ явися, а въ великомъ гораздо щастіи разумно надутые щастіемъ парусы да опустиши.

Хотяи безбѣднѣе мучителеи укротити, подобаетъ ему добротою а не одѣяніемъ гордымъ явитися, доброта бо есть покои, а мучительство ѕлая польза.

Вещеи ѕлыхъ и мерзостныхъ не люби, ни говори.

Аще вещи суть и премѣнны, но честь та вѣчно пребываетъ. Нечестія своего не слави, да отъ того непріятелемъ не даси утѣхи.

Со

Со всякимЪ дружися, а не раздражаи никого. Что тебѣ годно того держися.

Насильныхъ вещеи стерегися.

большому господину не противися.

Добродѣяніе воздавай, а кЪ бѣдному милостивЪ буди.

СЪ разумнымЪ общися, а добрыхЪ вЪ почитаніи имѣи.

Вещи правои послѣдуи, не судися о малои.

Опасаися порѣченія, слушаи тебѣ належащихЪ.

Во время отвѣщаи, сице же твори да впредь не раскаешися.

Никому завиди, паче всего бѣгаи поносу.

Добрѣ заслуженыхЪ чти.

Роскошеи блюдися.

Аще прегрѣшиши вЪ чемЪ, премѣни изволеніе.

Дружбу храни паче всего.

Не вѣрь времяни, старѣишихЪ почитаи, не печалься о бездѣлицѣ, смотри на себе самого.

Вѣдаи себя быти смертна, не закладываи живота долголѣтна, обаче буди воздерженЪ, аки имыи долго жити, а ни кому не вреди.

Наживай дѣтей отъ честныя жены, да не поречется кто.

Во всякой вещи времяне ожидай, словомъ не ускоряй.

Дари чтобъ съ прибылью было, дабы тя слово гладко не обольстило.

Не ругайся мертвому, ни въ небытіи кому.

Хощешъ ли съ кѣмъ ссоритца, помни его беречися, оставь въ мирѣ всякого.

А не досади ни кому.

СІМОНІДЪ егда пріиде ко Іерону Королю Сікілійскому, Король же видя его быти человѣка разумна; вопроси: что есть богъ; Філософъ упросился на три дни, мимошедшимъ же днемъ Королю просящу отвѣта, еще лишнихъ дней испроси на размышленіе, Королюжъ вопрошающу: коея ради вины толь долго о томъ думаешъ; рече Сімонідъ: се есть, елико вящши разсуждаю, что есть богъ, толико разумомъ не обемлю, и елико долѣе о томъ размышляю, толико являетъ ми ся вещъ неудобнѣйша.

Тойже вопрошающу нѣкоему, что лучши человѣку; отвѣща: добрая совѣсть, что горше; рече: другой человѣкъ.

Вопро-

Вопрошенъ: кто истинно богатъ;
Отвѣща: кто ничего не желаетъ.

Паки вопрошенъ, кто бѣдняе; рече: человѣкъ лакомой.

Вопрошенъ, какое приданое большее невѣстѣ;

Отвѣща: чистота и стыдѣніе.

Вопрошенъ паки, по чему знать разумнаго; отвѣща: иже не вредитъ хотя можетъ, неистоваго же по сему знать: иже хощетъ вредити, но не можетъ того достичь.

рѣчи его.

безбѣднѣе молчати, неже говорить, молчанія бо ради ни единъ въ безчестіе вниде, отъ многословія же мнози.

Не вини ни кого въ вещехъ противныхъ.

Утѣха есть невинному, не по правдѣ страдать.

Щастіе скоро оставитъ, а добрая надежда никогда.

ГОРГІИ Леонтинъ вопрошенъ: како достиже таковаго вѣка, яко бысть сто седьми лѣтъ; отвѣща: никогда лишняго употребляхъ въ яденіи и во иныхъ вещехъ.

Вопрошенъ: почто еще хощетъ жити на семъ свѣтѣ, занеже довольно уже поживе;

Отвѣща: не имѣю за что негодовати на свою старость.

Тоиже бывъ близъ смерти, утихъ мало, и друзи вопросили его, что творитъ; отвѣща: сонъ сестрѣ своей уже починаетъ меня предавати.

Смерть сестру сну нарицаетъ того ради, ничто бо подобно мертвому, яко человѣкъ спящіи.

Иже легко кончается, такъ исходитъ, аки бы засыпалъ.

АНАХАРСІСЪ бѣ Татаринъ, но возлюбивъ ученіе, иде во Аѳины Філософіи ради, и бысть Філософъ, еже рѣдко въ Татарѣхъ бываетъ.

Тои убо вопрошенъ: како кто піянство остудити можетъ; отвѣща: тѣмъ образомъ остудитъ, аще всегда предъ очи свои ставить будетъ людеи пьяныхъ скверные нравы.

Тоиже вопроси: колико доски у кораблеи толсты; егдаже возвѣстиша, что не больши четырехъ перстовъ; рече: таково далече и отъ смерти отстоятъ, иже по морю плаваютъ.

Вопрошенъ: коихъ людеи больши, живыхъ или мертвыхъ; отвѣща:

А по морю плавающихъ, въ которомъ числѣ полагаешъ;

Руга-

Ругашеся ему нѣкто, что выродокъ былъ изъ Татаръ; отвѣща: мнѣ въ стыдъ моя отчизна, а ты въ стыдъ твоей отчизнѣ.

ЕПИКУРЪ повѣда, аще яко природа употребляетъ, жити будешъ, то убогъ не будешъ, а естьли по прихотямъ, никогда богатъ.

Глаголетъ бо притча: естество человѣческое малымъ довольно.

Начало спасенія есть, грѣховъ своихъ познаніе и о смерти помышленіе.

Печалитися не дастъ, кто учитъ безъ грѣха жить.

Кощунство излишніи грѣхъ наноситъ, пированіе, со женами общеніе и иные вещи къ пиру належащіе, веселія животу не приносятъ, но учтивые разговоры, и кроткое на пиру въ яденіи и питіи употребленіе.

ТІМОНЪ узрѣвъ нѣкоего всякои вещи дивящася; рече къ нему: и тому бы ты дивился, хотя насъ здѣ и трое, однакожъ у всѣхъ троихъ четыре ока.

Тімонъ бо и ученикъ его Діоскоридъ бѣста одноoки.

АПОЛЛОНІИ Философъ вопрошенъ отъ Царя Вавілонска, како возможетъ

безбѣдно царствовати; отвѣща: аще многихъ почтиши и благодѣяньми своими взыщеши, и не многимъ ввѣрятися будеши.

ДІМІТРІИ Ѳалереи Птоломею Царю Егіпетскому совѣтова, да возлюбитъ чтеніе книгъ надобныхъ. Ту пользу отъ того являя, яко чего не смѣютъ Царемъ и Княземъ пріятели говорить, то сами обрящутъ, часто книги прочитая.

Книги бо суть зерцало, аще и не говорятъ, обаче всякому вину и порокъ объявляютъ.

ЕПІМЕНІДЪ мудрецъ Критскіи.

Въ нѣкое время Царь Перскіи, хотящь искусити сего, да намѣреніе свое премѣнитъ, и къ нему пристанетъ, посла ему многое число денегъ, Послы же пришедше тому обѣдающу, онъ повелѣ ихъ пустити къ себѣ; ядыи же масло сице къ нимъ рече: слыщите, обѣдъ сеи измѣнника слышитъ, того для отнесите назадъ деньги къ Царю, ибо деньги лакомому мука, свободному честь, а измѣнникомъ смерть.

АПУЛЕИ мудрецъ Аѳинскіи, егоже ученія сія бяху:

Ничто

Ничто же богу подобнѣе есть, точію мужъ достаточного разума.

будеши ли богатъ, не вѣрь щасстію.

Младъ ли еси, будешъ и старъ.

Красенъ ли еси, пожди мало, и не будеши таковъ, но иже ученъ и мудростію одаренъ, того хвали, старъ или младъ, не бо то иматъ отъ отца по наслѣдію, ни по прилучаю, ни отъ міра сего премѣннаго.

Убожество учтивое лучши грады правитъ, ибо оно есть учитель всѣхъ художествъ, тѣмже всякія славы достоино, и всѣми роды чтимо быти иматъ, то все во Арістотелѣ бѣ праведно, въ Платонѣ добротворно, во Епамінондѣ удачно, въ Сократѣ мудрое.

Таково убожество людемъ Римскимъ Цесарство и первенство содѣяло, но потомъ гордость по обилію и богатству къ паденію оное приведе.

ЕРМІСЪ мудрецъ Егіпетскіи, иже и Трісмегистъ [сирѣчь тревеликіи, занеже славяше бога въ троицѣ] бѣ нареченъ, во Аѳинѣхъ пребыстъ, тои сто осьмьдесятъ селъ насели, и тыя вся къ закону божію приведе, и къ познанію правды и во презрѣніе свѣта, и къ соблюденію правды людеи, елико можаше

жаше ученїемъ своимъ приведе, егоже сїя суть повѣсти:

Хотящему премудрости держатца, подобаетъ ѕлыхъ дѣлъ ошаяватца.

Блюди себе отъ владѣющихъ надъ правдою, убожество съ добрыми дѣлами лучши люби, паче прибыли сущїя со грѣхомъ.

Соблюсти въ думѣ таину, есть велика доброта, не разрѣши языка на непрїятеля твоего.

Блюди себе отъ клеврета ѕла, завидлива, строптива, игрателеи, ругателеи гнѣвливыхъ и не смысленныхъ.

Не завиди ѕлому, егда ему добро поводитца, ѕлые слова да не изыдутъ изъ устъ твоихъ, терпѣнїе есть оставить тогда, егда можетъ отмстити.

Иже разумныхъ въ чести имѣетъ, тои правду любитъ и добро творитъ.

Бѣденъ тои на семъ и на ономъ свѣтѣ.

Кто ученїе и премудрость оставляетъ.

Лучши свободныи въ поученїи, неже въ богатствѣ, велико милосердїе есть, еже о глупомъ милосердовати, безбѣднѣе всѣхъ, иже грѣха не имать.

Тотъ

Тотъ не можетъ истинно совершеннаго разума быть, иже въ чистотѣ себе не блюдетъ.

Лучши самому себя наказывать, неже иному. Вся погибнутъ, кромѣ добрыхъ дѣлъ, все измѣнится кромѣ естества, все исправитися можетъ, кромѣ ѕлаго дѣла.

Все измѣнится, кромѣ суднаго дни.

Погрѣшеніе разумного человѣка, много иныхъ блазнитъ.

Княземъ и вельможемъ прилично оглагольниковъ и ласкателеи у себя не держать.

Лучши быть безплодну, неже сыны имѣть ѕлонравны.

Не вѣрь глаголющему, яко любитель есть правды, егда что противъ ее творитъ, или говоритъ.

ПЛАУТЪ Стіхотворецъ Коміцкій ученикъ Тульліевъ, не имѣя инаго дѣла, токмо комедіи слагалъ, бѣ бо ѕѣло благоязыченъ, изъ письма его сія ученія его выбраны:

Деньги суть причиною хлопоты.

То первое добро, кто при своемъ стоять хочетъ. Аще за службы своя воздаянія не желаемъ, сами себе облыгаемъ.

То

То дивно, которои тебя знаетъ, гнушается, а кто не знаетъ любитъ.

Въ дружбу и въ вѣрность шута не принимаи.

ВАРРОНЪ Марко красноглаголатель римскiи, бѣ мужъ ученъ, разума остраго, въ всѣхъ дѣлѣхъ мiрскихъ ѕѣло объятенъ, изъ книгъ его здѣ нѣкiе рѣчи положены. Одному противъ многихъ вымышлять, блазнъ есть.

Дара, каковъ нибуди, аще не есть благодаренъ, не вмѣняи его въ благодѣянiе, но въ хищенiе.

Мерзско есть уповати на дачу, а утѣшное дѣло за доброе воздавать.

Друзья богатыхъ суть мякина около зерна.

Хощешъ ли друга отвѣдать, явись ему печаленъ.

Согласiе и нравы добрые въ обще укрѣпляютъ, а живущихъ вкупѣ разумы исправляютъ.

УIСТЪ мудрецъ, егоже ученiя сiя суть:

Каковъ хощешъ быти, егда богу молишися, таковъ всегда буди.

Каковыхъ хощеши своихъ ближнихъ къ себѣ имѣти, таковъ самъ къ нимъ буди.

Что

Что доброе твориши, вѣждь яко то отъ бога есть.

Ни что за доброе полагаи, еже воръ отнять можетъ, то токмо въ добро имѣи, что есть богу угодно.

Одѣяніе души твоеи вѣждь, яко есть тѣло твое, сего ради соблюди оное отъ оскверненія.

Души смерть не погубитъ, но ѕлое житіе.

Ушеи твоихъ не всякому ввѣряи.

Разумный любитъ бога, а богъ душу разумнаго.

СЕКУНДЪ мудрецъ, иже во Аѳінѣхъ бѣ, написа сіе:

Богъ есть умъ безсмертныи, высота недомыслимая, упостась всѣхъ вещеи, око неусыпающее, вседержительное, свѣтъ человѣческіи.

ГАЛІНЪ Доктуръ преславныи, егоже ученія сія суть:

Ученіе глупому ни въ чемъ не полезно, ни разумъ тому своиствуетъ, егоже кто не употребляетъ.

Человѣкъ возвышенъ, тогда разумомъ управляется, егда самъ себе познаетъ.

Та есть большая мудрость, еже самого себя знать, да любленіемъ самого себе человѣкъ не оболститца, такожде да не возмнитъ себе быть добрымъ, не бывъ такимъ, яко немощенъ доколѣ живъ, всегда лѣкарства смотритъ, дабы оздравѣть, которого совершенно достичь не можетъ.

СЕНЕКА мудрецъ, сія ученія изъ книгъ его избраны суть.

Ученіе и наказаніе творитъ благія нравы, и уразумѣть себя гораздо учащемуся, благое обыкновеніе то вонъ изгоняетъ, чего набралось ѕлое.

Многихъ, иже суть житія раздѣльнаго, смерть безвѣстна сравняетъ, сего ради всякій день аки послѣднее смотрѣніе быти имать.

Лакомство старого, морскому чуду есть подобно.

Миръ съ людьми, а со грѣхами всегда борьбу имѣи.

Иному буди въ незнаемствѣ, а самъ себѣ никогдаже.

Удобѣе человѣку убогу осужденія тонзнути, неже богатому зависти.

Начало спасенія есть, грѣховъ познаніе.

Вся дѣла съ дѣлами твоими да равняются.

Тотъ бо разумъ нѣсть правъ, егоже дѣла отъ вещи дѣлятся.

Яко хожденіе умѣренно прилично человѣку разумну, такожде и рѣчи разумного подобаетъ быти учтивои, а не запинаемои. Вси влечемся къ радости, но откуду можемъ ея сподобитися, не вѣмы.

Разумныи же никогда безъ радости не бываетъ, радость же таковымъ не родится, токмо отъ благости и ученія.

Такова ни тлѣетъ, ни измѣняется.

Щастіе чего тебѣ не дало, того не отоимегъ. Прежде старости размысли добромъ жити, потомъ добромъ умереть.

Иже бѣгаетъ чиноначалія, тяжкое бремя съ себя слагаетъ.

ВОЕЦІИ мудрецъ римскіи и житель, бѣ мужъ постояненъ и любитель правды, предстательствова противу насильникомъ творящимъ обиду убогимъ.

притчи его суть сія:

Трудность ученія всякого, человѣческимъ тщаніемъ умягчаема бываетъ.

Мудрость никому ничего, или мало безъ правды пользуетъ, подобно вѣденіе

безъ мудрости ѕѣло мало, или ничего не платитъ воздаянїемъ.

Кто въ ученикахъ не бывалъ, тотъ учителемъ не будетъ.

Нѣсть достоинъ ученїя, иже наставленїя учителева непрїемлетъ терпѣливо.

Вїно въ мѣру употребляемо разумъ остритъ, а безъ мѣры пїемо, разумъ и здравїе портитъ.

Смыслъ честенъ, память изображуетъ, а забвенїе глупость наноситъ.

безъ тщанїя едино ученїе не можетъ быть соблюдено. Нужное художество есть всегда чюжаго домовидства употребляти. Вещи разумными людьми творимые, добры суть.

Кто на небѣ сидѣнїе и мѣсто обрѣте, тотъ отказу не боится.

Ежели что правленїемъ проидено будетъ мимо, то добраго конца не достигнетъ.

Человѣкъ разумныи нетокмо о началѣ тщится, но и о докончанїи.

Лакомство творитъ людеи небрегомыхъ и завистливыхъ, а щедрота прїятныхъ.

Естество немного требуетъ.

Щастїе того не можетъ намъ дать, что естество отъемлетъ.

Слу-

Служебники невѣрные, суть утробы вредительны въ дому. Имѣніе еже кто имать, часто во убытокъ доводитъ.

Аще страха божія не будетъ, весь свѣтъ погибнетъ.

Мысль человѣческая по естеству отъ хотѣнія своего къ доброму склонна, но заблужденіе щастія ону облыгаетъ и похотьми обольщеваетъ.

Всяка болѣзнь нѣсть такова вредна, яко супостатъ домашніи.

Между разумными нѣсть ненависти, прилучаи есть сотвореніе вещи нечаянной безъ хотѣнія сотворенное.

О! дабы люди размышляли, что имутъ размышляти, разумѣли, еже потребно есть разумѣти, видѣли, еже имать видимо быти, слышали, еже подобаетъ имъ слышать, творили, еже имать быти творимо, во всемъ бы повольность имѣли, и никогда бы другъ другу противни были.

Человѣче смерть помни, а самого себя знаи, познаи кто еси, отъ чего зачался, такожде и родился, яко и умреши.

Аще младъ еси, состарѣешися.

Аще красенъ, будеши абіе ѕлообразенъ, различны премѣны на тѣлѣ твоемъ познаеши.

Въ единомъ состояніи не долго пребудеши.

Вся бо кромѣ бога измѣняются.

Прежде времяни не былъ еси, и по маломъ часѣ не будеши.

Каково сѣмя, отъ негоже родился еси, кую пищу матери твоеи пріималъ еси, въ чемъ затворенъ былъ еси, почто же толикихъ хощеши и за высокія вещи хватаешся, пріидетъ время, яко ничто будеши, изъ земли изшелъ еси, и въ землю возвратишися, едина душа безсмертна есть.

Гдѣ суть предки наши, акибы никогда не были. Сего ради аще премудрости сподобитися хощешъ, пріими ю, и научися ея, она бо есть сокровище многоцѣнное и некрадомо, и отъ малого человѣка, творитъ велика, а отъ убога богата, отъ обща единаго.

Аще бо кто чести плотскія неимать, тои мудростію отъ многихъ иныхъ почтенъ бываетъ, и много краты чины и дѣла, тако воспріемлетъ.

Сего ради блаженъ человѣкъ, иже обрѣте премудрость. Почитаи точію, и чтыи научишися: ибо кто добрѣ чтетъ, тои съ богомъ бесѣдуетъ, и частымъ чтеніемъ человѣкъ разуменъ бываетъ.

КРАТ-

КРАТКИХЪ

И УЗЛОВАТЫХЪ ПОВѢСТЕИ

КНИГА ВТОРАЯ.

ВЪ НЕИ ЖЕ ПОЛОЖЕНЫ ПОВѢСТИ КЕСАРЕИ РИМСКИХЪ, КОРОЛЕИ, КНЯЗЕИ, ВОЖДЕИ ВОИНСКИХЪ, СЕНАТОРЕИ И ИНЫХЪ ЧИНОНАЧАЛЬНЫХЪ.

ЮЛИИ Кесарь Римскій, въ нѣкое время незнатно хотящь перевестися чрезъ море, а буря толь велика востала, что и самъ кормчіи ѕѣло испужался; тако рече къ нему: не пужаися, Кесаря везеши.

На нѣкоемъ бою увидѣвъ знаменщика одной роты, яко нача назадъ бѣжати, ухватилъ его и въ передъ подалъ, и указалъ ему полки непріятельскіе; рекъ: а куды хощешъ, се здѣсь тѣ суть, съ которыми бои начали.

Егда у стола начался разговоръ, которая смерть всѣхъ легчае.

Іюліи сказалъ: легчае всѣхъ ненаяанная,

Которая его не миновала, занеже измѣною лучшіи отъ Римлянъ, зговорясь на него за то, что самъ только го ударствовати восхотѣлъ, и Монархомъ учинился было, въ Сенатѣ убили его, давъ ему 22. раны. Римляне бо по вся годы дву правителей, которые всѣмъ государствомъ правили, между себе избирали, ихъ же звали Упатами, а Монарха надъ собою имѣти не хотѣли.

АВГУСТЪ Кесарь, егда пріиде къ нему та вѣсть, что Иродъ Царь Жидовскіи вся младенцы въ Сіріи [искавъ Іисуса новорожденнаго] изби, посреди же ихъ ни сына своего пощадѣ, сице рече: такимъ дѣломъ, лучши у Ирода быть свиньею, нежели сыномъ его, Иродъ бо бяше Жидовинъ, а Жиды мясъ свиныхъ не ядятъ.

Тоиже Кесарь не хотя нѣкоего юношу имѣти въ полкахъ ѕлыхъ ради его дѣлъ, велѣлъ ему прочь ити, онъ же съ прошеніемъ моли, да не творитъ ему такова безщастія; глаголя: яко не возможно ему ко отцу на очи явитися съ тою вѣстію; сице къ нему рече: егда вопросятъ тебя, чего ради съѣхалъ; скажи: что я тебѣ не полюбился.

Услышавъ нѣкоего воина вельми о томъ хвалящася, что имѣлъ язву на лбу отъ удара каменемъ; такъ рече ему: въ другои рядъ, какъ тебѣ случитца бѣжать съ побоища, накрѣпко берегись, дабы не смотрѣть назадъ.

Егда возвѣстиша ему, что единъ отъ благородныхъ римскихъ ѕѣло одолжалъ, и по его смерти долги толики обрѣлись, что весь его служилои нарядъ доведетца продать и долги платить. Приказалъ отъ его животовъ себѣ купить его одѣяло, тому егда всѣ подивились; рече Кесарь: молчите, ѕѣло мнѣ надобно одѣватись къ спанїю, понеже моглъ и онъ подъ нимъ спать, хотя столь много долговъ на немъ.

Долги сонъ любезныи часто разрываютъ, и велицы вельможи въ нихъ не досыпаютъ. Тотже Кесарь, егда возвращашеся съ воины съ великимъ торжествомъ, изыде ему во срѣтенїе нѣкто отъ небогатыхъ дворянъ, носяи съ собою ворону, которая научена была сице Кесаря во градъ вѣзжающаго поздравляти.

Здравствуи Кесарю Государь нашъ, непобѣдимыи Воевода, тому Кесарь удивлся велѣлъ драгою цѣною заплатить.

То видѣвъ нѣкто сапожникъ убогой потщился учить ворона такому же поздравленію, а заеже воронъ не скоро въ то дѣло вникнути моглъ, тотъ сапожникъ при тѣхъ тамъ словахъ часто говаривалъ и то:ото и работа и протори ни во что, и хотя не скоро научился воронъ того поздравленія, явился съ нимъ Кесарю, и поздравила птица Кесаря, Кесарь же противъ того сказалъ: довольно имѣю такихъ поздравлятелей, въ то время птица и тѣ слова выговорила: ото и работа и протори ни вочто. Сія слышавъ Кесарь ѕѣло цѣнно велѣлъ заплатить.

Также и попугая и сороку тоже говорить умѣющихъ дорого купилъ.

Тому Кесарю бысть дщерь Юлія, у которои понеже прежде времяни въ головѣ почали волосы сѣдые являтись, велѣла ихъ у себя въ чертогахъ вырывать. Случилось, что засталъ Августъ, а еи щиплютъ тѣ власы сѣдые, и сперва ничто рече, потомъ въ разговорѣ помянулъ и о старости, и вопросилъ дщери своеи, что бы себѣ изобрала, сѣда ли быть, или плѣшива, егда она рекла: лучши быть сѣдою; Августъ рече: почто же даешъ тѣмъ госпожамъ щипать у себя власы, дабы тебя прежде сотворили плѣшивою.

Егда

Егда его дарили Французы изрядною цепью золотою, Долябелля благородныи Римскіи, крѣпко ея добивался, а потомъ и явно просилъ, дабы его подарилъ; на сіе рече Августъ: лучши мнѣ подарить вѣнцомъ гражданскимъ.

Вѣнецъ гражданскіи бѣ въ великои чести, аще отъ дубовыхъ и вербныхъ вѣтвеи бывалъ сплетенъ, а полковои и побѣдительныи бывалъ золотнои, и занеже Долябелля на воинахъ не бывалъ, для того ему Кесарь отказалъ въ дарѣ золотомъ, а почтилъ его честнымъ поминкомъ, яко добраго гражданина.

Егда о единомъ Французѣ Августу жена его билачеломъ, дабы его припустилъ къ вольности Римскои, не восхотѣ сотворити того ни коими мѣрами, только отъ всѣхъ податеи свободна его учинилъ; глаголя: лучше да изъ казны моеи доходовъ что убудетъ, нежебы честность града Римского въ легкое почитаніе происходила.

Кесарь Августъ не былъ горделивъ, егда кто его на почесть звалъ, ни кѣмъ не гнушался, случися же быть ему на пиру у Полліона Римлянина, тамо по случаю челядникъ хозяискои розбилъ скляницу хрустальну, котораго госпо-

динъ взять велѣдъ, и бросить въ прудъ къ лютымъ рыбамъ муренамъ, видѣвъ малои что не шутка, припалъ къ ногамъ Кесаревымъ молилъ, да иною смертию будетъ казненъ, тѣмъ разгнѣвався Кесарь, повелѣ вся сосуды хрустальныя побить, и въ прудъ побросать вмѣсто онаго челядинца, а его на волю пустить. Поллїона же наказа глаголя: идѣже Кесарь есть особою своею, тамо нетокмо подобаетъ человѣка казнити, но ни опечалити.

ТІВЕРІЮ егда письмомъ своимъ нѣкто докучалъ, яко ѕло о Кесарѣ говорятъ; сице отписалъ: за слова незачто бранитися, полно и того, что намъ ни кто ѕла здѣлать не можетъ.

Тїверїи Кесарь толь смиренномудръ бѣ, яко егда нѣкто его нарече Государемъ, ѕѣло его не благодарно прїя; рекїи: впредь не зови мя къ моему безчестїю сице:

Егда о немъ ѕлая глаголали, и письма подметные писали, друзья его поущали его, да отмститъ, но онъ сице на то отвѣща: въ свободномъ общенародїи требѣ есть, да будетъ и языкъ свободенъ.

ОТТОНЪ

ОТТОНЪ умирая сродника своего сице увѣщевалъ: имѣй себѣ въ крайнїи поминокъ отъ меня, ни весьма забывай, ни лишнее памятуй, что имѣлъ ты дядю Кесаря.

Нѣцыи честныхъ сродниковъ имѣюще, гордо поступаютъ, потомъ и до нужды приходятъ, инїи же не смотря на сїе, чину своего не берегутъ, обаче лучши всему мѣра.

ТIТЪ Веспасїанъ отъ друговъ своихъ зазрѣнъ бѣ, что ни какому челобитчику не отказывалъ, но не медля прошенїе исполнялъ, хотя съ убыткомъ казны своей; сице имъ отвѣща: инако мнѣ творить негодится, занеже не дѣльно, дабы кто бывъ у Кесаря, имѣлъ отъ него печальнымъ лицемъ отходить.

Тойже при трапезѣ вечерней нѣкогда рече: даромъ день сей погубихъ: что сего дне ни кому ничего не даровалъ.

Егда два вельможи на него совѣщались убить его, и свидѣтельствомъ то обьявилось, Кесарь Веспасїанъ давъ имъ въ руки по мечю, самъ сѣлъ среди ихъ рекъ имъ: да исполнятъ то, что въ мысли своей усовѣтовали, егдаже они ужаснулись, и руки отъ страха опустили; рече имъ: зрите, яко государствованїе

ствованіе по смотрѣнію божію дано бываетъ.

Суетно тщаніе тѣхъ, о томъ покушающися, дабы доступить или доступивъ, дабы не потерять.

ТРОЯНЪ Кесарь имѣлъ изъ начала епарховъ и поборцовъ великихъ грабителей, яко идѣже бы послышали о людехъ много имѣнія имѣющихъ, оклеветавъ ихъ, имѣнія ихъ похищали, о томъ увѣдавъ Кесарь, абіе унялъ такую обиду, рекъ: казна есть аки селезенка, егда напрягается и ростетъ, тогда сохнутъ иные уды.

Егда его въ томъ пріятели обличали, что не опасая величества своего ко всякому былъ склоненъ; сице имъ рече: пристойно, дабы таковъ явился среднему человѣку, сый Кесарь, какова бы себѣ желалъ, егда бы я среднимъ былъ человѣкомъ.

АДРІАНЪ Кесарь видѣвъ невольного слугу своего ходяща межъ двѣма Сенаторы, послалъ слугу, да ударитъ его въ щоку, и тѣ слова скажетъ, не мѣшайся межъ такими, которыхъ невольникомъ быти можешъ.

Едино-

Единожды, егда всѣ люди на игрищахъ съ великимъ крикомъ того домогались, чтобъ нѣкоего возницу свободою пожаловалъ, таковъ имъ далъ отвѣтъ письмомъ: то нѣсть пристоино о чемъ просятъ, ибо аще бы не своего невольника на свободу пустилъ, великая бы въ томъ дѣлѣ учинена была обида господину, чеи онъ.

Просилъ его сѣдыи человѣкъ, и не улучивъ прошенія, велѣлъ свои волосы очернить, и сызнова билчеломъ, Кесарь же узрѣвъ, что обманомъ съ нимъ идетъ, рече ему: напрасно бьешчеломъ, отказано уже отцу твоему.

АНТОНІНЪ Кесарь имѣлъ обычаи, яко ни домашнихъ, ни воинскихъ дѣлъ безъ совѣта разумныхъ людеи не дѣлывалъ, а говорилъ: лучши мнѣ держатися совѣта многихъ разумныхъ людеи, неже имъ многимъ управляемымъ быти отъ меня одного разсужденіемъ.

АЛЕѮАНДРЪ Царь таковъ былъ щедролюбивъ, что ни кому въ прошеніи не отказывалъ, а кто ни о чемъ не бивалчеломъ, тому такъ говаривалъ: почто мнѣ ни о чемъ не бьешчеломъ, или хощеши мя быти твоимъ должникомъ.

Во время похода, егда кто изъ ратныхъ зашелъ бы въ чужее село, того жестоко наказывалъ; глаголя: что нехощеши видѣть въ твоемъ имѣнии, того въ чюжемъ не дѣлаи.

Тоиже Царь всегда того стерегъ, чтобъ ратнымъ людемъ денегъ не задерживали; глаголя: служивои ни о чемъ не тужитъ, когда одѣтъ, добрѣ вооруженъ, и хлѣбъ имѣетъ и мало что денегъ.

Ветпронія нѣкоего обыкшаго великіе подарки брать, обѣщавающа всякому много у Царя дѣлъ дѣлать, а всегда лгалъ, и егда на него довели, велѣлъ у столба привязать и курить подъ нимъ, а приставу указалъ громогласно кричать: се того дымомъ подкуриваю, которои дымы продавалъ.

Егда АВРЕЛІАНЪ въ Тіѣъ градъ пріиде, врата заперли граждане, о томъ яростію движимъ великою; рече: собаки въ томъ градѣ живои не оставлю. Сіе слышавъ воини, ѕѣло тому случаю ради были, надѣясь немалои корысти, тогда единъ отъ гражданъ Ерадамонъ, опасаясь, дабы съ прочими не погибъ, предался къ Кесарю и граду измѣнилъ. Кесарь взявъ градъ во свое владѣніе, гражданина

жданина того яко измѣнника отчизны казнить велѣлъ, а егда воини домогались, чтобъ по своему обѣщанію градъ предалъ на плѣненіе; тако имъ отвѣща: добро обѣщахъ собаки единой не оставить во градѣ, того ради избеите всѣхъ.

Тѣмъ онъ измѣннику мзду пристойну отмѣрилъ, а лишніе прихоти въ воехъ своихъ усмирилъ.

Тотже Кесарь ѕѣло не любляше обидъ отъ воевъ людемъ творимыхъ, яко къ намѣстнику своему, егоже въ полкахъ оставилъ; такъ написалъ: аще любишь здравіе твое, не попущаи своеволить ратнымъ людемъ, да не похититъ кто у кого что, ни курицы, ни овцы, ни ягодъ изъ винограда да не берутъ.

ФІЛІППЪ Царь Македонскіи, отецъ Алеѯандровъ, егда покори государства Греческіе, совѣтовали ему нѣцыи, дабы грады осадилъ воями, дабы сызнова не измѣнили; сице на то отвѣща, лучше мнѣ, чтобъ меня долго добрымъ звали, неже на малое время.

Нѣкто отъ егожъ подданныхъ обыклъ говорить ѕло про него, егоже наказати изгнаніемъ совѣтовали Царю, но онъ не восхотѣ того сотворити.

Вопро-

Вопрошенъ же о причинѣ; отвѣща: того ради нехочю изгнати его, дабы шатаясь сѣмо и овамо, не говорилъ больши ѕла о мнѣ.

Два юноши оба ненадежны, приставили другъ къ другу, и пошли въ судъ предъ Царя, Царь же уразумѣвъ дѣло ихъ, таковъ учинилъ приговоръ: одного приговариваю въ ссылку сослать, а другому велю за нимъ въ слѣдъ гнать.

АЛЕѮАНДРЪ Царь Македонскіи, сыи еще юнъ; отецъ рече ему: да на игрищахъ Олѵмпіискихъ взапуски съ кѣмъ бѣжитъ; отвѣща: сотворилъ быхъ сіе, ежели бы то дѣло шло о выигрышѣ.

Онъ же отцу его Філіппу ранену бывшу на воинѣ и храмому въ народъ выити стыдящуся; рече: нѣтъ то ничего отче, объявить людемъ, занеже такъ ходя, лучши памятовать будеши храбрость. Тогожъ Алеѯандра нѣкто Періклъ имянемъ, молилъ, да учинитъ ему вспомогательство, дабы возмоглъ дщери свои за мужъ выдать, приказалъ дать ему пятьдесятъ талантовъ, егда же рече: много того мнѣ, довольно будетъ и десяти; Алеѯандръ рече: тебѣ довольно толь много взять, но мнѣ не довольно толь мало дать.

Анаѯарху

Анаѯарху Философу повелѣ толико дать, елико хощетъ, егда же начальникъ казны доложилъ Кесарю, яко многаго числа проситъ, се есть сто талантъ; повелѣ ему дать, рекіи: добро дѣлаетъ, яко вѣдаетъ, что имѣетъ такова пріятеля, который ему толь много дать и хощетъ и можетъ.

Единъ владѣлецъ, хотя имѣлъ градъ непреборимыи, обаче доброволно здался Алеѯандру, онъ же нетокмо его притомъ имѣніи оставилъ, но и сверьхъ того ему придалъ; глаголя: кажется что не глупъ тотъ человѣкъ, иже похотѣлъ лучши здравіе свое вѣрити храбру мужу, нежели крѣпкому мѣсту.

Увѣдавъ нѣкоего не добрѣ о немъ глаголющаго, ни что ино, только то рече: Царское дѣло еже добро творить, а ѕлая пореченія терпѣть.

Тоиже вопрошенъ: гдѣ хранитъ свои сокровища; рече: у своихъ пріятелеи.

Являя, яко то все надежно сокровище, которое полагаемъ у пріятелеи.

Во время бо нужды емлемъ ихъ аки свое въ нещастіе, еже бо даруеши пріятелемъ, и чѣмъ кого когда взыщешъ, то всегда напреди сыщешъ.

Егда жалобы какои слушалъ, всегда одно ухо закрывалъ; вопрошенъ же: для чего то творитъ; отвѣща: другое ухо оставляю сторонѣ отвѣтчиковои.

Арїстотеля Фїлософа имѣлъ въ великомъ почитанїи, о которомъ такъ говаривалъ: не меньши долженъ есьмь учителю своему, яко и отцу, отъ отца бо имѣю животъ, а отъ Арїстотеля то имѣю, чемъ житїе мое добрѣ препроводить могу.

Имѣя въ плѣнѣ дщери Царя Персицкого, дѣвы ѕѣло красны, не восхотѣ на ихъ красоту взирати; глаголя: подобаетъ ми крѣпко сего опасатись, дабы побѣдивъ толь много народовъ, не былъ я побѣжденъ отъ женского пола.

Къ сему Алеѯандру принесше изъ казны Царя Дарїя скрыну дражаишую; вопросили: во что ея употребить; рече: по моему разсужденїю всего лучши хранить въ неи книги Омїровы. Являя, яко ученїя и писанїя людеи ученыхъ подобаетъ имѣти въ великои чести.

Егда великое воинство Дарїево стало обозомъ недалече отъ обоза Алеѯандра Царя, хотя съ нимъ сразитися. Парменїонъ Воевода его, видя не исчетное множество полковъ непрїятельскихъ, совѣтова Царю ночью на нихъ ударить.

Алеѯандръ

Алеѯандръ же не вдався совѣту его, рече: не обыкохъ красть побѣды, всегда честнѣе съ непрїятелемъ явнымъ боемъ битися, а не обманомъ.

У древнихъ язычниковъ бѣ обычаи: людемъ ученымъ или храбрымъ въ память ихъ отъ мѣди или инои какой вещи личины ставити, такова личина бѣ и Ахїллесова, къ которой пришедъ Алеѯандръ, украсилъ оную вѣнцами; глаголя: щастливъ еси Ахїллесе, иже при животѣ твоемъ особаго друга имѣлъ Патрокла, а по смерти преславнаго Стїхотворца Омїра, иже пишетъ о храбрости твоеи.

Дѣла человѣческїе хотя бы пречестны были, абїе изъ памяти людской излетятъ, аще ихъ писанїя людеи ученыхъ не подкрѣпятъ. Инъ глаголетъ:

Скрытая добродѣтель мало отстоитъ отъ простого невѣденїя.

Егда ему писанїе отъ Антїпатра поднесли, въ которомъ много недобрыхъ рѣчеи написано на матерь Алеѯандрову, Алеѯандръ сице рече: мнится мнѣ, что не вѣдаетъ Антїпатръ, яко едина слеза матерьняя, много листовъ почернитъ можетъ.

Дарїи Царь Персїдскїи посла къ Алеѯандру Послы своя дани ради, юже

прежде на всякъ годъ отъ Філіппа Царя бралъ; Алеѯандръ отвѣща имъ: умерла та курица, которая Дарію носила золотые яица.

Въ день нѣкіи случилось ни едину человѣку къ Алеѯандру пріити битьчеломъ о жалованьѣ; рече онъ: сеи день не считаю во иные дни государствованія моего, понеже сего дни никакои милости ни кому я не явилъ.

Нѣкоему отъ служебникъ рече: иже никогда ни въ чемъ его не остерегъ, не годна мнѣ служба твоя, тоиже вопроси, для чего; рече ему: видѣлъ ты, что человѣкъ есьмь, того ради не возможно, дабы когда въ чемъ не погрѣшилъ я, а ты по се время естьли какои во мнѣ проступки не видалъ, то ты глупъ, а естьли видя молчалъ, то моимъ измѣнникомъ еси и явнымъ льстецомъ и лицемѣромъ.

АНТІГОНЪ первыи Царь Македонскіи, егда ему дивилися, что учинився Царемъ, былъ свирѣпяе, а состарѣвся, бѣ великои склонности; сице на то отвѣщалъ: въ то время надобно мнѣ было царство, а нынѣ слава и доброхотство.

Воставъ иногда отъ ѕѣло великой болѣзни; сице рече: не худо мнѣ учинилось, что болѣзнь меня остерегла, дабы я въ гордость не возносился, понеже есьмь человѣкъ смертенъ.

Въ нѣкое время зимою приказалъ обозъ перевесть на такое мѣсто, гдѣ было приголодно, то занеже не по мысли было воемъ, начаша на него негодовати, что онъ тутъ же въ шатрахъ сталъ.

Онъ то слышавъ, реклъ имъ: плакать вамъ будетъ, естьли не отойдете далѣе переговаривать ѕло про меня.

Егда Аѳиняне невольника его, хотя ему угодить, приняли въ жителя; на то Антигонъ рече: не желалъ бы того я господамъ Аѳиняномъ, дабы единъ изъ нихъ былъ отъ меня кнутомъ сѣченъ.

Тойже Царь узрѣвъ, что сынъ его съ подвластными своими жестоко поступалъ; увѣщевалъ его: сыне или не вѣси, что наше государствованіе есть красная неволя.

Усматривалъ, что въ вольномъ государствѣ много полезно есть Государичу привлекати доброжеланія человѣческія смиренномудріемъ, а не отбивкою отъ себя жестокою.

АНТІГОНЪ вторый, егда хотяше сразитися съ воины Царя Птоломея, тогда при полкахъ не бывша, отводили его нѣцыи отъ того намѣренія, предлагая, что больши караблеи съ воинствомъ съ противной стороны, нежели съ его, онъ же не послушавъ совѣта ихъ, отвѣща: а то вмѣсто многихъ караблеи не считаете ли, что я самъ своимъ прибытіемъ при своемъ воинствѣ.

Являя тѣмъ, яко много на томъ состоитъ, егда самъ особою своею Царь присутствуетъ на воинѣ.

Тотже, Зінону умершу, егоже паче иныхъ Філософовъ почиташе, часто говаривалъ: лишихся уже зрѣлища дѣлъ моихъ.

Занеже той единъ, былъ ему за многія тысящи людей. Всѣ бо дѣла на его одного разсужденіе полагалъ.

Тако подобаетъ почитать разсужденіе одного премудраго, паче многихъ малоразсудныхъ, еже и Платонъ честныи Філософъ, подтверждаетъ сими словесы:

Не подобаетъ намъ сего зрѣти, яко множество людеи о насъ глаголетъ, но что единъ умѣяи, гораздо разсудитъ вещь, и что о насъ говоритъ, самая правда.

КІРЪ

КІРЪ старѣишіи Царь Персідскіи глаголаше, яко ни единому подобаетъ промышлять на государствованіе, развѣ бы тому, которои во всѣхъ добродѣтелехъ первенствовалъ предъ тѣми, надъ ними же имѣетъ государствовать.

Сеи Царь любилъ чистоту, того ради мало бесѣдовалъ съ женскимъ поломъ, егдаже нѣкто имянемъ Арастъ, совѣтова ему, да видится съ нѣкоею госпожею, сказывая про нее, что ѕѣло красна; отвѣща: паче всего тоя ради вины, яко есть красна, надобно ея беречися.

Аще бо единожды послушавъ твоего совѣта, посѣщу оную, может то быть, что я учащать буду, хотя и времяни на то не будетъ.

КІРУ юнѣишему хотящу сразитися съ непріятелемъ, совѣтова ему нѣкто отъ вельможъ имянемъ Клеархъ, дабы сталъ на безопасномъ мѣстѣ за полками Македонскими, ненавѣтуемь тамъ, гдѣ опасно; отвѣща: совѣтуешъ мнѣ не гораздо добро, чтобъ я обьявилъ за собою то, еже не гожусь быть Царемъ.

ѴЕРѴЪ Царь Персідскіи, хотящь ратоваѣти на Грековъ, повелѣ собратись воинству своему сухимъ и водянымъ путемъ.

Узрѣвъ же, яко поля всѣ покрыли ратные люди по берегамъ и по морю, и на катаргахъ много людей бѣ къ бою, которыхъ имѣлъ тогда седьмь надесять кратъ сто тысячь, утѣшился посматривая на такiе войска, и причелъ себѣ, что бѣ щастливъ имѣяй толь много людей подъ собою.

Абiе же нача плакати, Артабанъ же дядя его и правитель почудился, откуду такая ему скорая премѣна, вопроси его о причинѣ плача, тогда Царь повѣда: пришло мнѣ на мысль, коль кратко житiе человѣческое, ибо отъ такова неисчетнаго множества людей, ихъ же нынѣ вижу, во сто лѣтъ не будетъ ни одного.

Житiе человѣческое и кратко и не надежно, яко ни утрешняго дни можетъ человѣкъ себѣ обѣщати.

АРТАѴЕРѴЪ Царь, когда постельничей его побилчеломъ о непристойномъ дѣлѣ, уразумѣвъ, яко привелъ его на то нѣкiй даръ, приказалъ казначею принесть столькожъ, и далъ постелничему; рекiи: возми себѣ тѣ деньги, ибо то отдавъ тебѣ, не буду нищъ, а ежели учиню по твоему прошенiю, конечно буду обидникъ.

ПИРРЪ Царь Епиротскіи, сыновомъ вопросившимъ его: кого по себѣ хощетъ имѣти наслѣдникомъ на царствѣ; отвѣща: того, которои отъ васъ будетъ имѣти мечь острѣишіи.

Являя: яко на престолъ Царскіи подобаетъ избирать добраго и храбраго.

Егдаже щастіе подалось ему на войнѣ, и воини его похвалили, называя его орломъ, онъ смиренно о себѣ мысля; сице рече: за вашимъ промысломъ есмь орелъ, и какъ не быть мнѣ имъ, заеже оружіемъ вашимъ возносимь бываю, аки перьями.

КОТІСЪ Царь Ѳракіискіи, бѣ ѕѣло вспыльчивъ, егдаже нѣкто принесе ему въ дарѣхъ много сосудовъ изрядныхъ скляныхъ, съ любовію принялъ, и отдарилъ за нихъ, обаче видя быти вещи скудельны, перебилъ всѣ самъ до одного.

Всѣмъ же о томъ дивящимся; рече: для того перебилъ, дабы впредь не гнѣвался я на тѣхъ, которые бы ихъ перебили.

Разумному надобно знать примѣты въ себѣ и заранѣе то отвесть отъ себя, что можетъ на недоброе его привесть.

АМАСІСЪ Царь Егіпетскіи, услышавъ нѣкоего плачюща по сынѣ своемъ; рече къ нему: аще тогда ты не жалѣлъ его, егда на свѣтѣ его еще не было, а нынѣ напрасно тужишъ, егда умеръ.

КРЕЗЪ Царь Лідіиский, егда побѣди его Царь Перскіи Кіръ, и градъ его взя, узрѣвъ воевъ шатающихся по граду и грабящихъ, вопроси Кіра, что есть сіе; Кіръ отвѣща: твои градъ плѣнятъ, Крезъ рече: ни мои, тутъ бо уже моего ничего нѣтъ, а что берутъ, то все твое.

Тою рѣчью подвигся Кіръ, и удержалъ воевъ своихъ отъ грабежа.

Егда Камвісіи ровнялся отцу своему Кіру, а иніи говорили, что и отца превосходитъ, Крезъ рече: по моему разсужденію не подобаетъ того равняти съ отцомъ, которыи не оставилъ послѣ себя сына.

ГЕЛОНЪ Король Сікіліискіи, егда на его статьяхъ Аѳиняне положитись не хотѣли, возносся древность и честь народа своего, съ тѣмъ отпустилъ Посла ихъ; рекъ: у васъ Государеи много, только не имѣете кому государствовать, а занеже хощете лучши все держать,

жать, нежели части уступить, скажите Грекомъ, что весна увяла имъ.

Являя: яко Греки не имѣша такихъ юношей къ бою прохлада ради, якоже онъ имѣ на выборъ воевъ.

ДІОНІСІИ Король Сікіліиский вшедъ въ чертоги сына своего, и узрѣвъ тамо много сосудовъ златыхъ и сребреныхъ обличи его; глаголя: нѣсть въ тебѣ сыне сердца Королевскаго, яко по се время тѣмъ золотомъ и сребромъ, еже имаши отъ мене, единаго себѣ пріятеля не снискалъ еси.

Вшедъ въ капище, и узрѣвъ образъ Ескуляпіевъ [егоже языцы почитали вмѣсто бога врачевствъ,] съ великою брадою златою, отнялъ у него; рекъ: не къ дѣлу Ескуляпію запущать бороду, понеже и отецъ его Аполлонъ безъ бороды пишется.

Тожже съ кумира Зевесова снялъ верьхнюю одежду золотую, и положилъ суконную; рекши: въ золотой одеждѣ зимою студено, а лѣтомъ тяжко, въ суконной лучши, понеже и студеному и лѣтнему времяни служитъ, такожде золотые чаши и вѣнцы, яже кумиры держали протянувъ руки, аки кому подая поотобралъ; глаголя: я не отнимаю,

маю, но что мнѣ даютъ, то беру, понеже великая глупость не брать бы у тѣхъ, что подаютъ, и у которыхъ обыкли мы просить.

ДІОНІСІИ юнѣишіи ѕѣло любляше Філософы, но занеже бѣ мучитель сверженъ бысть съ королевства, егдаже вопрошаху его, аки ругаясь ему, что пособила ему Філософія; отвѣща: то пособила, что толь велику премѣну щастія, удобно понести могу, иные въ премѣнѣ щастья въ отчаяніе приходятъ. Діонісіи же яко бѣ не простъ, нещастіе свое со смиреніемъ понесе, и егда сверженъ бысть съ царства, имѣ школу въ Корінѳѣ, и оттуду имѣлъ пропитаніе, тожде вопрошенъ, что яко отецъ бывъ обычного чину, учинился Королемъ, а онъ бывъ сыномъ Королевскимъ, королевство погубилъ; отвѣща: Отецъ королевство свое мнѣ оставилъ, а щастія своего не могъ оставить.

АГАѲОКЛІИ бѣ сынъ скудельника нѣкоего убогаго, егдаже ему щастіе послужило, и бысть Королемъ Сікіліискимъ, всегда къ столу приказывалъ готовить при золоченыхъ кубкахъ и кувшин-

кувшинчики глиняные, на которые посматривая говаривалъ: прежде дѣлалъ я сосуды скудельны, а нынѣ по щастїю и моею бодростїю довольно и златыхъ сосудовъ имѣю.

Не стыдился тѣмъ, яко бѣ обычного чина, и бысть Король, пачеже предъ очима восхотѣлъ имѣти ту вещь, которая бы ему на память приводила его обычное рожденїе и первые труды.

АРХЕЛАИ Царь Македонскїи, егда на пиру просилъ нѣкто его, да пожалуетъ кубкомъ, изъ котораго самъ пилъ; Абїе повелѣ его взяти и отдать Еврїпїду человѣку ученому, сеи удивлся иже кубка прошаше, рече къ нему Король: ты достоинъ былъ просити его, и не улучилъ, а тотъ достоинъ да улучитъ, аще и не просилъ.

Есть на то разумное смотрѣнїе вельможъ жаловать, нетокмо челобитчиковъ, но и тѣхъ, иже достоини суть милости, хотя и не просятъ.

ПОРЪ Царь Індїискїи, егда Александръ Великїи побѣдилъ его, и вопросилъ, како хощетъ съ нимъ поступать, и что съ нимъ сотворитъ имѣя его въ рукахъ; отвѣща:

Царски

Царски поступаи со мною, и то твори, что день сеи тебѣ совѣтуетъ, воньже самымъ дѣломъ ты искусился о мнѣ. Како человѣческое щастїе есть обманчиво и ѕѣло слабо, се недавно быхъ Царь, а теперь плѣнникъ.

Сїя слышавъ Алеѯандръ, удивися цѣломудрїю и благородному сердцу его, и возврати ему царство его, больши прибавя пространства, нежели прежде стяжа.

БРЕНЪ Король Французовъ древнихъ еще языческихъ, егда надокучилъ Римляномъ, и къ созиданю града Римского ѕѣло ихъ нудяше. Римляне такое перемирїе съ нимъ учинили, хотѣли имъ дать тысячу фунтовъ злата, а ему бы отъити отъ нихъ со всемъ воинствомъ, и егда вѣсить начали злато, бренъ Король на однихъ вѣскахъ положилъ мечь свои, дабы вѣсу прибыло. Сїя видѣвъ Римлянинъ Сулпїцїи, вопроси: что есть се; бренъ сице отвѣща: ино ничто есть, токмо безчестїе побѣжденнымъ.

ѲЕМІСТОКЛІИ Князь Аѳинскїи, егда Адїмантъ отрицаяся бою на мори; рече: то де правда, тѣхъ безчестно укоряютъ,

ютъ, которые помыкаются на бои, сице ему отвѣща: и то правда, которые хоронятся отъ бою, и тѣ ни какихъ почестеи не сподобляются.

Сваталися два юноши къ дочери его, одинъ богатъ мѣлкаго разума, другои убожае, но добръ и не глупъ, онъ миновалъ богатаго, выдалъ за убогаго.

Сему нѣкимъ дивившимся, рече Ѳемістоклїи: хощу лучши человѣка, которому надобны деньги, нежели денегъ, которые требуютъ человѣка.

Тожже говаривалъ: яко чиноначальники и дѣльные и храбрые люди, сутъ подобны древамъ яворовымъ, занеже яко во время ненастья, чернь бѣжитъ подъ древо вѣтвяно, а егда красенъ день, тогда его ломаютъ, подобно и во время опасное вси прибѣгаютъ подъ оборону начальниковъ и храбрыхъ, а егда минетъ брань, тѣхже поносятъ и мало почитаютъ.

Се быстъ и Еѳтѣ Воеводѣ отъ Евреи, Фокїону отъ Грекъ, Камїльлю и Скїпїону отъ Римлянъ.

АРІСТІДЪ имѣ съ нѣкимъ соперникомъ своимъ дѣло передъ Сїгклитомъ Аѳинскимъ, и кои часъ предложилъ дѣло, Сїгклитъ тотъ часъ хотѣлъ сказать

приговоръ

приговоръ по Арістідѣ, бѣ бо склоненъ къ нему, но Арістідъ отрече; глаголя: прошу перво послушаите противной стороны, какъ законъ учитъ.

Тоиже судилъ дѣло нѣкое, а истецъ тогда выговаривалъ сопернику своему, что за очи безчестилъ Арістіда, хотя и Арістіда въ ненависть какъ привесть; сице на то отвѣща: не вступая въ слова, о своеи обидѣ говори, аще имаши что, я нынѣ сижу на судѣ твоего дѣла, а не моего.

Егда Арістіда Аѳиняне послали въ ссылку, прощаясь съ любезнымъ отечествомъ, и хотя уже изыти, воздѣвъ руцѣ къ небеси; рече: даи боже, чтобъ во всемъ щастилось Аѳиняномъ, дабы никогда не помянули Арістіда.

Не проклиналъ Арістідъ, ни мстилъ обиды своеи, яко иные обыкли въ такомъ случаѣ творити, только желалъ того, чтобъ безъ него дѣло дѣлалось. Егда бо человѣка годнаго люди избудутъ, потомъ при бѣдѣ поминаютъ, и желаютъ имѣти у себя, какъ и тѣмъ случися къ тому, что послѣ того въ три года Арістіда отъ изгнанія призвали, и его начальнымъ надъ собою учинили. [Егда Царь Персідскіи съ великимъ воинствомъ иде на Греческую землю.]

ПЕРІКЛЪ

ПЕРІКЛЪ Князь Аѳинскіи, Государь премудрыи и правдивыи, на всякъ день возлагая на себе одежду, обыклъ самъ себѣ глаголати: помни Перікле, яко надъ свободнымъ народомъ господствуеши.

Тотже при самои кончинѣ житія своего; рече: не по малу о томъ веселюся, что ни кто отъ Аѳинянъ моея ради причины въ кручинномъ не ходитъ платьѣ.

ЕФІКРАТЪ бѣ убогаго дому, ни по достоинству, но того дошолъ, что Аѳиняне выбрали его за Государя, егоже укоритель нѣкіи Гармодіи тѣмъ укори; отвѣща ему: мои родъ отъ мене зачался, а твои на тебѣ скончался.

ЕПАМІНОНДЪ Князь Ѳиванскіи, во время праздника, всѣмъ въ роскошъ вдавшимся, онъ единъ трезво прохождаше по граду, аки бы о чемъ размышляя. Единъ же отъ вельможъ срѣтивъ его вопросилъ; почто тако печаленъ, и веселыя мысли не употребляетъ; отвѣща: понеже вы всѣ пьяни прохлаждаетеся, ни откуду ничего не опасаясь. Властелину подобаетъ всегда

быть трезву, понеже онъ стражъ и оберегатель всего общенародія.

Егда Артаксерксъ Царь Персідскіи, послалъ ко Князю Ѳиванскому великое число денегъ, хотя его себѣ привабить, но Князь не восхотѣ отъ него пріяти, и такъ къ нему донесть приказалъ. Аще Царь доброжелателенъ общенародію Ѳиванскому, то и такъ будетъ меня имѣти друга, а ежели инако, то непріятеля.

АННІБАЛУ Князю Карѳагенскому бывшу у Царя Антіоха, показа ему Царь своя воины ѕѣло строины, Аннібалъ же гораздо всему присмотрѣся. Вопросилъ его Антіохъ, довольно ли сего воинства на Римлянъ; Аннібалъ рече: такъ чаю, что будутъ имѣть довольно, хотя тѣ Римляне суть люди и ѕѣло прихотливы, но воистинну не насытны.

Возвѣщая, что оружіе златое и сребряное больши манитъ непріятеля къ себѣ, нежели устрашаетъ.

ТІРЕЗЪ Князь Кельтіцкіи, егда Сціпіонъ Афріканскіи плѣнивъ Алтіберсовъ, взялъ стольныи градъ Нумантію, вопроси его: для чего прежде сего Нумантія была сильна, а потомъ такъ ослабѣла,

бѣла, что въ чужїе руки пришла; отвѣщалъ: донелѣже миръ среди Нумантянъ цвелъ, дотолѣ и побѣду имъ давалъ, а какъ вражда межъ ними учинилась, тогда пришли въ пагубу.

Всякое государство ни чимъ такъ скоритъ къ паденїю, яко враждою и расторженїемъ, еже знаетъ надъ собою Греческая земля, Венгерское королевство и иные государства.

СЦИПІОНЪ старѣишїи. Воеводѣ Римскому плѣнившу новую Кареагену, привели воини его ѕѣло прекрасну дѣвицу, хотя тѣмъ ему угодити, но не восхотѣ ея отъ нихъ прїяти; глаголя: ѕѣло бы я радъ ее принять отъ васъ, естьли бы рядовымъ человѣкомъ былъ, а не Воеводою.

Егда на него Петїлїи и Квїнстъ жестоко предъ всѣмъ сигклитомъ доводили, и много обличали, ничего не похотѣлъ на ихъ жалобу отвѣщать, токмо рече, въ сїи день господа Римляне побѣдили Аннїбала крѣпкого непрїятеля и Кареагену, сего ради воздѣвъ на себя вѣнецъ, иду въ крѣпость Капїтолїнскую, жертву принести Зевесу верьховному, аще ли кто хощетъ намнѣ искати, да ищетъ, и тако не

дослушавъ тѣхъ, что на него доводили шелъ въ Капитоліумъ, надѣясь на великіе свои службы, общенародію явленные, и абіе вмѣсто жестокости суда улучилъ, что вси ввели его съ великою радостію въ крѣпость, и вмѣсто еже подобаше ему смиритися, занеже много жалобъ было, онъ ихъ ни во что вмѣняя, а свои первые великіе службы явѣ предлагая, торжествовалъ, и доводчиковъ уничтожилъ.

ПОМПЕИ Великіи, егда Царь Пареѳскіи домогался чрезъ своихъ Пословъ, дабы извѣстнымъ рубежемъ государства Римскаго, была рѣка Евфратъ, сице на то реклъ: паче о томъ было просить, дабы Римское государство отъ царства Пареѳянамъ удѣлило правды.

Являя, что Римляне только пристоиности смотрѣли, а къ разспространенію государства ни что имъ помѣшкою быть не могло.

Тогдаже великои дороговлѣ бывшеи въ Римѣ, и уже наступающу гладу, хотя споможеніе учинить отечеству, отъиде водянымъ путемъ въ Сардінію и въ Сіцілію, и собравъ тамъ множества хлѣба, спѣшилъ въ Римъ, а какъ карабленники великихъ ради обуреваніи морскихъ

скихъ не хотѢли Ѣхать. Помпеи единъ пустился съ караблемъ своимъ, рекъ: великая нужда гонитъ насъ къ тому, чтобъ Ѣхали, а чтобъ здравія берегли, къ тому насъ ничто не нудитъ.

Подобаетъ лучши беречь здравія отечествія своего, паче своего притоманнаго.

Марко Туллии Цицеронъ, Сенаторъ римскій, первыи вѢтія государства Римскаго, егда Метелліи обличи его, что больши людеи погубилъ свидѢтельствомъ своимъ, нежели оборонилъ краснословіемъ своимъ, симъ образомъ отвѢщалъ ему, тако есть: занеже больши почитаю вѢрность, нежели краснословіе.

СвидѢтелю прилична незыблема вѢра, а настоятелю краснословіе.

Обычаи бѢ Римляномъ на всякъ годъ выбирать отъ себя двухъ въ верьховные начальники, кромѢ Діктаторъ, иже все правленіе государства Римскаго на себѢ имѢли, случися яко нѢкіи Каніи на тотъ чинъ бѢ избранъ, но токмо на немъ былъ всего день единъ, и Цицеронъ бывъ человѢкъ дворныи, сице о немъ рече: воистинну Канія имѢли мы правителя зѢло бодра, у котораго во все время правленія его, не постигъ сонъ очеи его.

Въ тотъ же чинъ егда избранъ былъ Ватiнiи, а не долго былъ, токмо днеи нѣколико, Цiцеронъ такъ рече: немалое чюдо сотворися въ лѣто Ватiнiево, что при правленiи его ни зимы, ни весны, ни лѣта, ни есени не было.

Нѣкiе рѣчи полезные изъ книгъ его выбраны.

Всякая доброта на дѣлѣхъ состоится.

Что земля родитъ, то все во употребленiе человѣческое.

Воина не для иного чего надобно начинать, только чтобъ люди мирно и правдою послѣ жили.

Паче свободы и великого смысла ни что есть естеству человѣческому.

Приличняе намъ таковыя свободы употребляти подобаетъ, которая бы прiятелемъ была прiятна, а ни кому не вредила, да и свобода не больши бы силы была.

Что кому належитъ, тѣмъ ему платить, есть основанiе правды, ничто же поистиннѣ честно, естьли неправедно.

Отъ всякаго товарыщства нѣтъ ни единаго крѣпльшаго и надежнѣишаго, точiю, егда мужiе добрiи единомысленныхъ нравовъ сообщенiемъ связани.

безъ брани на общую пользу приводить потребно того, и опасати надобно, чтобъ наказанїе было не больши провинки, и гнѣвъ запрещаемъ есть, наипаче при наказанїи.

Тїи судїями быть достоини, иже не гнѣвомъ, но правдою дѣла дѣлаютъ.

Велика сила правды, ибо и воры межъ собою держатца частицею правды, и естьли бы здобычь неправдою дѣлили, то другъ друга до смерьти убилъ бы.

КАТОНЪ Керсонїи повѣда, что человѣкъ разгнѣванный, ничемъ разнитца неистоваго, только тѣмъ, что неистовство долѣ держитца, нежели гнѣвъ, того ради и Орацїи наричетъ гнѣвъ краткимъ неистовствомъ.

Ярость есть бѣснованїе краткое, тѣмъ ты сердце твое удержи, аще хощеши не быть въ неволѣ у нее.

Тотже Катонъ отъ всѣхъ своихъ дѣлъ, что во все житїе свое дѣлалъ; трехъ только вещей жалѣлъ:

1. Что таину женѣ иногда повѣрилъ.

2. Что тамо водою ѣхалъ, гдѣ мочно сухимъ путемъ ѣхать.

3. Что единъ день всуе прожилъ

Повѣсти его:

Общее добро лучши нравами, неже одеждою и оружїемъ тѣло соблюдено быти имѣетъ.

Сенаторемъ своимъ сказывалъ, разумно совѣтуите, да своими трудами что доброе и полезное здѣлаете, трудъ бо скоро отъ васъ отступитъ, а что доброе сотворите, то при васъ до смерти останется.

Четыре вещи суть потребны къ соблюденїю общаго добра, се есть, добро творити, добромъ поступати, добродѣтелно питати и добрѣ орати.

МАРСІИ Воевода римскїи тысячу Камериновъ, иже храбро съ Кімбрами бились, почтилъ тѣмъ, дабы тоиже волности употребляли, которои и римляне, а въ то время въ велико то почитали быть римляномъ. Егда же нѣкїе о томъ вознегодовали, что то выше закона ихъ сотворилъ Марсїи; рече: я нынѣ за громомъ ружья не могу слышать голосу законовъ, древняя пословица: въ воину молчитъ судъ.

МАРКО Курцїи, егда улучилъ побѣду надъ Самнитяны, послали они къ нему

нему Пословъ, посылая ему въ дарѣхъ много злата.

Онъ же не восхотѣлъ приняшь, давъ таковъ Посламъ отвѣтъ: лучше государствоватии надъ тѣми, которые имѣютъ злато, а не златомъ владѣть.

ПАВЕЛЪ Емелїи честенъ Воевода Римскїи, вшедъ въ Македонїю, и видѣвъ полки непрїятельскїе въ строю стоящїе, не восхотѣлъ сразитися.

Егдаже товарыщъ его языка совѣтовалъ ему, да ударитъ на непрїятеля, Емїлїи тако рече: учинилъ бы я, естьли бы былъ въ тѣхъ лѣтѣхъ, какъ ты.

Но занеже бывалъ я на многихъ бояхъ, научился тому, что съ людьми на пути утружденными, ударить на свѣжихъ людей ѕѣло не дѣльно.

Тотъ Емїлїи былъ господинъ щедрыи, егда ему Греки дивились, что великимъ довольствомъ обыклъ пиры чинить для своихъ.

Сице рече къ нимъ, обое се доброму Воеводѣ прилично, и полки умѣть устроить на бои, да будетъ страшенъ непрїятелю, и пиръ чинить для своихъ, дабы имѣлъ любовь отъ всѣхъ.

МАРКО Лївїи, егда порази Аздруволя Князя Карѳагенскаго, совѣтовалъ ему нѣкто, дабы до основанїя вся вои Карѳагенскїе избилъ, чтобъ ни нога не ушла, онъ не прїявъ совѣта ихъ; рекъ: пусть иные живы останутъ, которые о побѣдѣ нашей надъ ними непрїятелемъ возвѣстятъ.

Кто языкомъ много шурмуетъ,
Тотъ не много навоюетъ.

ПАРМЕНЇОНЪ Воевода Фїлїппа Царя Македонского, егда много Грековъ собравшеся предъ полаты Царскїе, Царю въ день въ чертогахъ почивающу, негодовали, что скоро къ Царю не допущены для его покоя.

Сице его предъ ними оправдалъ, не дивитеся, что теперь спитъ Царь, занеже егда вы спали, онъ тогда за васъ на сторожѣ былъ.

КНИГА ТРЕТІЯ,

ВЪ НЕИ ЖЕ ЗАКЛЮЧАЮТСЯ

ПОВѢСТИ ЛАКЕДЕМОНСКІЕ.

Лакедемоняне [донелѣже Греческая земля стояла,] всѣхъ въ Вітіиствѣ превосходили, и тому обучалися, дабы краткими словесы, много дѣла заключати могли, разумѣя, что не тако общенародія долгіе рѣчи красятъ, яко честные дѣла, сего ради мало говорили, а много дѣлали. Тѣмже иныхъ народовъ храбростію, мѣрностію, воздержаніемъ и иными изрядными примѣты превосходили.

ИХЖЕ ПОВѢСТИ СІЯ СУТЬ:

ЛІКУРГЪ [иже законы Лакедемоняномъ предаде, и вся во общенародіи устроилъ,] вопрошенъ: чего ради обычными вещьми жертвы творити повелѣлъ; отвѣщалъ: дабы намъ всегда ставилось того, чемъ бога хвалить.

Тоиже, егда хотѣли отъ него увѣдать, почто въ уложеньѣ запретилъ, дабы Лакедемоняне подъ башню къ приступу не ходили; сказалъ, дабы люди храбрые

храбрые отъ бабъ или отъ малого робенка убиты не были.

Вопрошенъ: для чего уставилъ, дабы дѣвицъ безъ приданого давали; отвѣща: дабы въ нищетѣ ими не гнушались, ни для животовъ, лишнее ихъ брали, но на учтивые ихъ нравы смотрѣли.

АГЕСІЛАИ Царь Лакедемонскіи вопрошенъ, какъ бы Государь не держа великихъ полковъ людеи, моглъ владѣть безопасно; отвѣщалъ: ежели такъ поступать будетъ съ подданными, какъ отецъ съ дѣтьми, ибо добрыи владѣтель не разнится отъ отца.

Вопрошенъ: чего ради общенародіе Лакедемонское паче иныхъ цвѣтетъ; отвѣща: понеже больши въ томъ Лакедемоняне обучаются, дабы и повелѣвати и послушными быти умѣли.

Тоиже вопрошенъ: како бы человѣкъ у людеи моглъ имѣти добрую славу; отвѣщалъ: аще бесѣдовать станетъ о добрыхъ дѣлѣхъ, а дѣлать начнетъ что лучшее.

Тотже Агесілаи обыклъ глаголати: чиноначальнику подобаетъ противу упорныхъ употреблять жестоты, а ко смиренным являть милостъ.

Тотже

Тожже вопрошенъ: что доброму Воеводѣ подобаетъ имѣти; отвѣща: дерзость противу непріятеля, и смотрѣніе въ томъ, какъ ударить на него.

КІКЕРОНЪ рече: доброму Воеводѣ подобаетъ имѣти ученіе воинское, храбрость и щастіе.

На воинѣ Левктріцкой, егда многи Лакедемоняне бѣжали съ бою, а таковымъ по уставу надобно было казненымъ быть. Сігкліітъ Лакедемонскіи усматривая, что служивыя люди послѣ того великого побоища, ѕѣло надобны были, хотѣлъ въ томъ ихъ простить, только чтобъ уложенія не поколебать, а понеже въ то не могли угодити, опредѣлили Агесілаю новые уставы уставить, но Агесілаи рече къ Сігклііту къ тѣмъ, яже имате ни прибавить, ни убавить, ни премѣнить ихъ думаю, однакожъ вижу то быть съ прибылью общенародія, дабы тѣ уставы отъ утрешняго дни всегда при своеи силѣ соблюдены были. Сице премудрыи Государь нуждѣ рѣчи посполитои угодилъ, и уставы въ цѣлости соблюлъ.

Тоиже Агесілаи, егда уже бѣ близъ смерти, повелѣ дабы по смерти

его ни единаго кумира въ память его не ставили, сице рекъ: аще что доброе въ житіи моемъ я сотворилъ, будутъ памятовать, аще же ничего, то хотябъ премного наставили образовъ, не учинятъ того, дабы была славна память моя.

Древніи язычницы въ память людей честныхъ, ученыхъ или храбрыхъ ставили изрядные образы, оттуду столпы, которые вещи и доднесь во Егіптѣ, въ Римѣ, въ Царѣ градѣ стоятъ, но Царь Агесілаи возмнѣлъ, что лучши человѣкъ быти можетъ въ памяти человѣческой честными дѣлами, неже такими кумирами.

АГІСЪ Царь, егда хотѣлъ сразитися съ непріятелемъ, мнози претили ему, показуя, что много больши людей съ противной стороны, нежели у него, но онъ совѣта ихъ непослушалъ; рекъ: надлежитъ тому противъ многихъ ополчатися, иже хощетъ быть многихъ людей Государемъ.

Во общенародіи Лакедемонскомъ, были таковы чиноначальники, до которыхъ и отъ Царя вольно было переносить дѣло, которыхъ и самъ Король повиненъ былъ слушать, тіи зовоми

были

были Ефоры. Егда же того Агія по своеи власти тѣ Ефоры послали Посломъ къ Філіппу Царю, единъ точїю къ нему иде.

Сему Царь Філіппъ удивлся, рече: что таково дѣется, что единъ ты точїю пришелъ; Агіи отвѣща ему: единъ пріидохъ, понеже къ единому тебѣ пріидохъ.

АЛКМЕНЪ вопрошенъ; какимъ бы образомъ кто моглъ какъ лучши утвердить свое государствованїе; отвѣща: ежели на посулы кто не будетъ падокъ.

Мїсніане, занеже Лакедемоняномъ правды не додержали, и часто отъ нихъ отрывались, Лакедемоняне ѕѣло ихъ утѣсняли, а поистиннѣ невольничье иго на нихъ возложили, дабы впредь изъ подпослушанія не выбывались. Сему цѣльбы они искавъ, послали Алкмену Царю Лакедемонскому дары немалые, ихъ же онъ не хотя отъ нихъ пріяти.

Вопрошенъ: для чего такъ дѣлаетъ; отвѣща: естьли бы отъ нихъ взялъ подарки, то бы со уложенїемъ общенародія миру имѣти не моглъ.

АНАѸІНДРІТЪ вопрошенъ: почто судьи Лакедемонскїе долго сѣдя думаютъ о смер-

о смертной кому казни, и хотя судъ не найдетъ виннымъ, отвѣтчикъ однако у суда стать долженъ; отвѣща: для того долго разбираютъ, естьли бы въ немъ нѣчто погрѣшили, уже бы исправитись не могли, а отвѣтчикъ въ судѣ стать долженъ для того, по времяни либо можетъ что на немъ обьявитись знатное.

Тѣмъ времянемъ и тому предварено, дабы невинныи смерти недошелъ, а винной бы не выкрутился.

АНАѴАНДРЪ вопрошенъ: для чего Лакедемоняне не збираютъ денегъ въ казну; отвѣща: дабы непортились тѣмъ люди, которые казначеями будутъ.

АНТАЛКІДЪ вопрошенъ, какъ бы всѣмъ людемъ угоденъ былъ; отвѣща: инако не угодить, токмо егда въ рѣчахъ своихъ все ласковыхъ словъ употребляти будетъ, а то дѣлать станетъ, что есть полезнѣе.

Кто хочетъ имѣти милость, долженъ таковыхъ словъ употреблять, а всегда себѣ прибыли искать.

АРХІДАМІДЪ услышавъ нѣкоего, иже хулитъ Гекатa Вітію за то, что на

бесѣдѣ

бесѣдѣ въ рѣчь не вступалъ; отвѣща: не вѣсили яко умѣяи ученіе Вітіиственное, умѣетъ и время избирать, когда говорить.

Искусному человѣку время говорить на консиліи въ Синклитѣ, на сидѣніи при судахъ, а на бесѣдахъ, идѣже всѣ говорятъ, а ни кто не слушаетъ, лучше молчать или мало вѣщать.

АРХІДАМЪ сынъ Агесилаевъ, егда ему отъ Філіппа Царя Македонскаго, послѣ славнои баталіи, бывшеи подъ Херонѣею, принесли листъ грозенъ и жестоко писанъ; отвѣща: егда стѣнь твою измѣриши, ни коими мѣрами не наидешъ, чтобъ была больши, токмо какова и предъ побѣдою.

Являя: яко не подобаетъ надѣятися о томъ, егда щастіе послужитъ, понеже зѣло отмѣнно.

Ибо щастіе аки стекло, аще и свѣтло, однакожъ крушится.

Въ государствѣ Лакедемонскомъ такое чиноначаліе бѣ нарицаемое ефорія, что и Королямъ естьли бы выше устава занеслся, не наровили, но отъ престола отставливали и во изгнаніе посылали, тоже егда досталось и ДЕМОКРАТУ вопроси его нѣкто; почто изгнаніе терпитъ,

пишь, бѣ бо Король, на сія онъ рекль: того ради, что въ Лакедемонскомъ общенародіи силу имѣютъ законы больше Короля.

Тойже Демократъ вопрошенъ, хотящіи изыти на брань, почто прежде приносятъ жертву музамъ, а музамъ нѣчего дѣлать съ Марсомъ, такъ то вывелъ слово, того ради се творятъ, дабы честная память о ихъ храбрости и великихъ дѣлѣхъ ихъ слыла.

Музы людемъ храбрымъ суть въ красоту, занеже ихъ храбрость и доблесть письмами своими славны у наслѣдниковъ творятъ, и того ради у древнихъ Князеи и Воеводъ храбрыхъ и у иныхъ людеи, ученые люди въ великои чести были, иже добродѣтели и дѣла великіе людеи достоиныхъ въ письмахъ своихъ хвалить, и ихъ безсмертною славою дарить обыкли, таковіи веліими дарами одарени бывали, ибо за одну рѣчь Сократу Витіѣ дали полъ 3000. червонныхъ золотыхъ.

Горгіи Леонтинъ такъ отъ ученія своего обогатѣ, что отъ злата одного вылилъ свои образъ величиною каковъ самъ, и поставилъ въ Дельфѣ.

ФЕ-

ѲЕОПОМПЪ услышавъ нѣкоего глаголюща; для того де общенародіе Лакедемонское долго стоитъ, что Цари ихъ умѣютъ повелѣвати.

На сіе сице имъ сказа: наипаче для того; что жители того народа умѣютъ Государемъ своимъ послушаніе творить.

ТЕКТАМЕНЪ, егда Ефори; верьховный судъ Лакедемонскіи, своимъ приговоромъ осудили на смерьть его; иде отъ суда смѣясь.

Нѣктоже отъ непріятелей его, вмѣняя то себѣ въ обиду; рече: еще ли ругаешъ законы Лікурговы; отвѣща: ни, но смѣюся тому; что такую вину сказали мнѣ, которую заплатить могу ни у кого не заимуя.

ИППОКРАТЪ; егда совѣта просилъ Епархъ Каріи; что ему съ такимъ Лакедемоняномъ творить; который вѣдая о измѣнѣ на него творимои, не остерегъ его; тако отвѣща: естьли имѣлъ онъ тебя благодѣянія великіе; и за то тебя не остерегъ; смертію казни; а естьли не имѣлъ изъ своей страны; яко несмѣющаго добро сотворити.

КЛЕОМЕНЪ, егда къ нему пришли Послы отъ Саміовъ, и долгую рѣчь говорили совѣтуя, дабы воздвиглъ воину на Поліграта.

Тако имъ отвѣща: что вы въ началѣ вашеи рѣчи говорили, того не помню, а что среди рѣчи предложили, того не разумѣю, а что сказали на концѣ, то мнѣ не прилично дѣлать.

Продолженная рѣчь трудитъ умъ человѣчь, всему красота мѣрность.

Нѣкто мудрецъ росказывалъ предъ Клеоменомъ о храбрости, онъ же тому посмѣялся, рекшу же мудрецу къ нему: что смѣешися слушая о храбрости, тебѣ бо яко Царю прилично такими рѣчьми забавлятися.

На сіе отвѣща: для того, естьли бы о тои вещи бесѣдовала ластовица, смѣясь бы тожъ сотворилъ, а ежели бы о томъ росказывалъ орелъ, то его съ великимъ прилѣжаніемъ слушалъ бы.

Показалось ему не дѣльно, чтобъ тотъ росказывалъ о храбрости, кто не бывалъ на воинѣ.

Говори карабельникъ о вѣтрахъ, оратаи о быкахъ, считаи воинъ раны, а пастухъ овцы.

ЛЕОНТІХІДЪ вопрошенъ, какъ бы человѣкъ свое имѣніе могль соблюсти; отвѣща: такъ соблюдетъ, естьли не все будетъ вѣрить щастью.

Весьма бо надѣятися на щастіе опасно, ибо часто обманываетъ.

Богатые купцы желая большихъ богатствъ, и все ввѣря караблю, въ нищету приходятъ.

ЛЕОНЪ вопрошенъ, въ коемъ общенародіи безбѣдняе жить; отвѣща: гдѣ все въ равнѣ и правда сильна, а неправда слаба.

ЛЕОНІДЪ сразитися имыи съ Персяны, ихже бѣ веліе число воинства, рече ему нѣкто отъ воевъ: толико множество воевъ Перскихъ, яко отъ стрѣлъ ихъ и солнца не будетъ видѣть, на сіе рекъ: что же дѣлать, то намъ лучши, что съ ними битца будемъ въ холоду а не въ жару.

ЛІСАНДРЪ вопрошенъ; кое ему общенародіе лучше показалось, отвѣща: гдѣ храбрымъ воинамъ належащее мздовоздаяніе творятъ, а не дѣльнымъ какого достоинн.

Общенародіе тѣмъ больши цвѣтетъ, егда люди достоиные сутъ въ почитаніи и доброе воздаяніе пріемлютъ, а бездѣльники небрегоми бываютъ.

Изрядныи Філософъ Платонъ, дабы людіе къ честнымъ дѣламъ жалованіемъ и воздаяніемъ изъ млада взыскиваны были, учитъ сице пиша:

Иже сутъ отъ юностеи лучшіи въ воинскихъ дѣлѣхъ, или во иныхъ какихъ, таковіи жалованіемъ быти почтени имутъ.

НАМЕРТЕСЪ вопрошенъ, какъ бы отвсюду оградивъ себя пріятельми могъ искуситъ, иматъ ли друга вѣрна; отвѣща: всего лучши всякъ искуситъ друга вѣрна во время нещастья.

Егда щастливо поведеніе кому, не знатно, кто другъ непремѣнной и кто времянной, но кои часъ нещастье приключится, тогда знатно постоянство дружне. Того искусився Овідіи на многихъ мѣстѣхъ негодуетъ на нѣкоего не додержавшаго дружбу.

Егда время кому служитъ, и лице свѣтло являетъ, тогда всякъ тому главу преклоняетъ.

Сему минувшу, аки бы не знали,
бѣгутъ прочь, и иже кому предстояли.

Во

Во благо время мнози друзи бываютъ,
А въ безвремянство и свои отбѣгаютъ.

ПАВСАНІА, егда нѣкоторые изгнанные изъ Аѳинъ, вели его къ тому, дабы воину поднялъ на Аѳинянъ и свое безчестіе отмстилъ, учиненое тому на играхъ Олімпійскихъ, того совѣта ихъ не послуша, рекъ: аще мнѣ то сотворили, егда съ ними добромъ поступалъ, чаетели ихъ мнѣ доброжелательныхъ быть, аще имъ ѕло кое сотворю, о семъ писано: благоразумнаго то дѣло, еже бы не вредить ни кого, аще и сила ему есть.

ТЕЛЕКРЪ вопрошенъ; чего ради у Спартянъ хранится то, еже бы юніи старому человѣку честь воздавали; отвѣща: дабы обыкли почитать родителеи своихъ.

Ибо въ судъ такова волно было приволочь, кто бы младъ былъ шапки не снялъ, или не всталъ предъ старѣишимъ, за что и наказаніе воспріимали.

Тѣже ЛАКЕДЕМОНЯНЕ, егда пріимше верьхъ надъ Аѳиняны, градъ ихъ плѣниша, просили Аѳиняне, дабы единъ островъ точію рекомыи Самосъ при нихъ оставили, на сіе отвѣщали: не дѣлно сіе

творите, что сами вы не въ своей власти, а иныхъ подъ своею властїю имѣти хочете.

Нѣкто отъ Лакедемонянъ на бою догоняя раздвоенныхъ непрїятелей, въ единомъ изъ нихъ хотѣлъ мечь утопить, при семъ затрубили на отворотъ, онъ же услышавъ удержалъ мечь свой, нѣкимъ же сего зазрѣвшимъ, что имѣя непрїятеля въ рукахъ, не убилъ его, на сїе отвѣща: лучше конечно быть послушну предъ Воеводою, нежели непрїятеля убить.

У древнихъ Римлянъ жестокое бѣ ученїе воинское, яко дерзнувый что лишше артїкула воинскаго и Воеводского повелѣнїя, аще бы и велїю храбрость явилъ, обаче жестоко наказанъ, а иногда и смертїю казненъ былъ.

Единаго времене во Аѳинѣхъ дѣиствуемой комедїи, единъ старичекъ хотя оныя посмотрить, пришедъ къ ѳеатру искалъ мѣста, гдѣ бы моглъ сѣсть, что видя Аѳиняне, розсмѣялися ему, и ни единъ ему мѣстомъ поступился, онъ же сѣмо и овамо ходя, прїиде къ мѣсту, идѣже сѣдѣли Послы Лакедемонстїи, и тїи предъ нимъ востали и съ честїю прїяли къ себѣ, что весь народъ похвалилъ.

При

При семъ единъ Лакедемончикъ старшїи отъ оныхъ Пословъ, рече: въ правду господа Аѳиняне видятъ, что есть добро и честно, но не творятъ.

ЛАЦЕНА послала сына своего на брань, и услышала что онъ убитъ, рече: того ради родихъ сына, дабы за отечество свое не боялся главы своеи положити.

Лакедемончикъ вопрошенъ; почто взялъ жену ѕѣло малаго возраста; рече: того ради, что отъ двою ѕлу избирая, лучше избрахъ меньшее ѕло.

Симъ показа, яко диво на свѣтѣ жена добрая.

РЕЭСТРЪ
ПО АЛФАВИТУ
людей мудрыхъ и ръчей ихъ.

Архесiлаи

б.

В.

Г.

Д.

Е.

Ермісъ

Н.

О.

П.

С.

Т.

Ф.

Х.

Ѯ.

Ѳ.

1746. 20 маія сія
Книга апофегматъ.

1763 г. 3 Июля сія книга
Апофегмата куплена на
торжище Апраксином
за 10 коп.

М. Ефремов

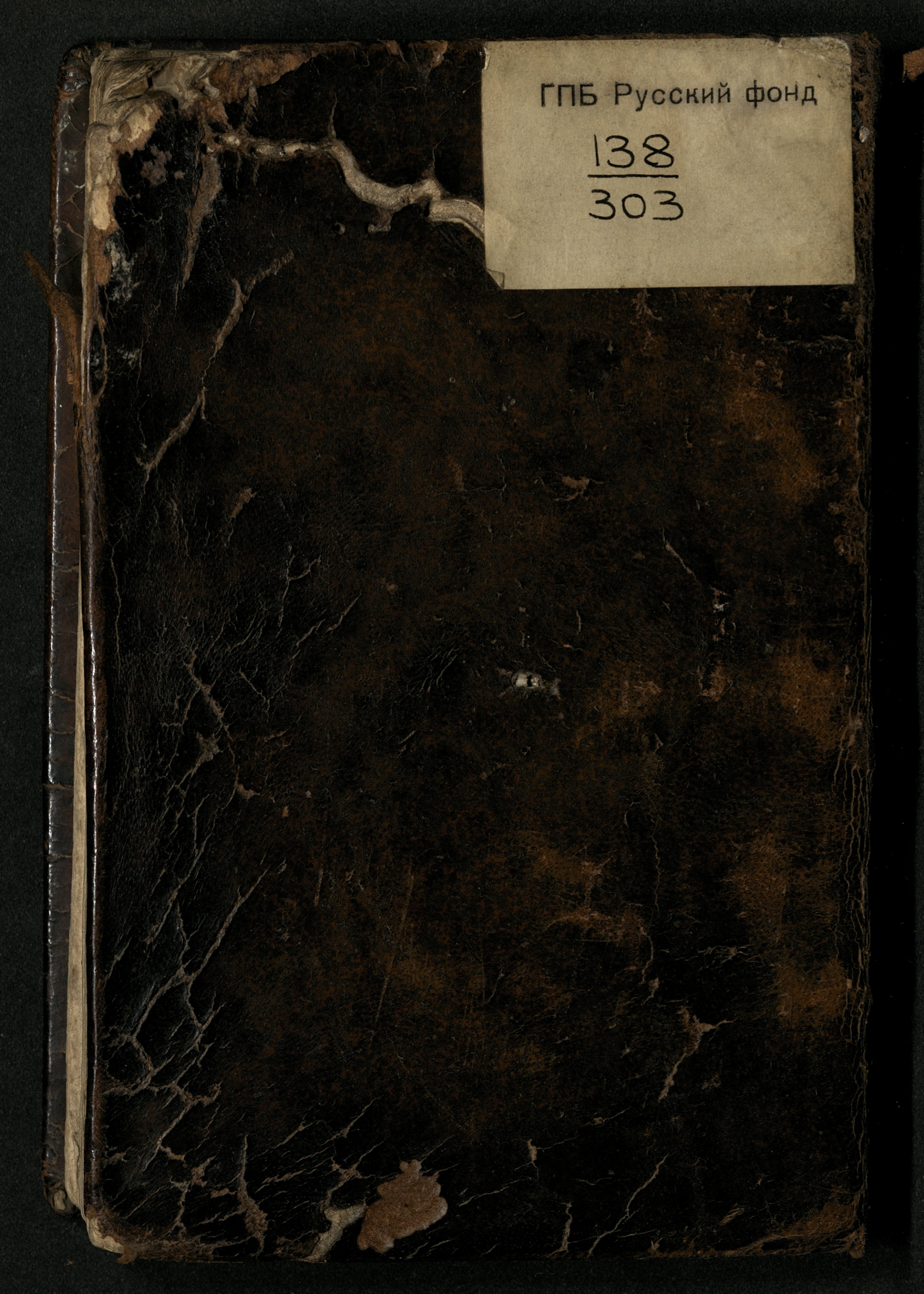
8

Аще кто хощетъ много
знать подобаетъ ему
мало спать

О доброе дело

Златоустъ речетъ
добро слину пити
вода [illegible] пить
у него уста

24/IX 988



ГПБ Русский фонд
138
303